

II

113884

Алексѣй Ремизовъ.

СТРАННИЦА

ПОВѢСТЬ.

ПЕТРОГРАДЪ
1918.

Алексѣй Ремизовъ.

СТРАННИЦА.

ПОВѢСТЬ.

ПЕТРОГРАДЪ.

1918.

Отдельный оттискъ изъ Сб. «Стягъ» — I.

Страница.

ПОВѢСТЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЮДОЛЬ ПЛАЧЕВНАЯ.

1.

Созданъ человѣкъ Богомъ не для земли, а для неба...
Путь одинъ—дороги разные.

Желанной пришла я въ міръ или съ проклятіемъ, я не знаю, но когда я увидѣла свѣтъ, моя мать навсегда закрыла глаза, въ тотъ же годъ умеръ отецъ. Взятая на воспитаніе родной теткой, я и ее никогда не видала. А когда я начала понимать, слышу, моя тетка давно померла, а дядя женился на другой.

— И эта,—говорятъ,—тебѣ не тетка!

Чувства мои были остры, робкая, поняла я, что я несчастна.

Я ее матерью называла, а боялась взглянуть на нее. И ничѣмъ не могла угодить ей, и постоянно она дядѣ на меня наговаривала невинно. А онъ, какъ звѣрь, набрасывался на меня.

Мнѣ было девять лѣтъ. Отъ родныхъ я не слыхала ни одного человѣческаго слова, ни одного взгляда. Жизнь моя проходила на кухнѣ, меня заставляли все дѣлать, тамъ и обѣдала. Но мнѣ кусокъ не шелъ въ горло. Слезы и плачь безпрестанный:

— Откуда взята я?

Простые люди жалѣли меня, уговаривали потерпѣть. И, глядя на меня, сами плакали. Но чѣмъ могли они мнѣ помочь?

Когда случалось, въ домъ пріѣзжали гости, меня съ кухни брали въ парадныя комнаты, меня умывали и наряжали, и, нарядную, чистую, выводили къ гостямъ. Въ тѣ часы я забывалась, я отдыхала отъ этого постоянного ненавистнаго взгляда, и вдругъ, вспоминая, что все это такъ и скоро пройдетъ и опять меня прогонять на кухню, я терялась отъ страха. Разѣзжались гости и начиналось: на мнѣ вымещали за мой тихій часъ — придирались къ каждому слову и били, били плетью, чѣмъ попало, потомъ запирали въ холодное мѣсто. И чего только ни выдумывали на меня, чѣмъ только ни изводили! Все терпѣла. И, затаивъ въ себѣ горечь, какъ потерянная, спрашивала:

— Откуда взята я?

Пусть самъ Богъ знаетъ, что тогда я чувствовала.

И однажды послѣ жестокой расправы, когда я очнулась отъ побоевъ, я поняла и надорваннымъ, униженнымъ сердцемъ моимъ сказала себѣ, что одного мнѣ ждать и одного желаю — смерти.

2.

Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ.

Или сила Божья не оставляла меня? Это она и внушила мнѣ бѣжать изъ дому безъ оглядки. Тихонько пробралась я изъ кухни за ворота, а тамъ на дорогу и ушла.

Я бросилась въ лѣсъ, — людей боялась.

Соляце зашло, стала заря исгасать, и канулъ послѣдній страхъ. Кого мнѣ бояться! Благодарила я Бога, что темно, и меня не найдутъ, легла подъ орѣшенью и крѣпко заснула.

За полночь вдругъ просыпаюсь. Я проснулась отъ шума: надо мной буря, вихорь колеблетъ деревья, крикъ и свистъ. Боясь шевельнуться, пролежала я до разсвѣта. И когда стало видно, я поднялась.

За долгую ночь я вся измерзла, дрожь меня била, и душа унывала: снова вспомнила домъ и страшно мнѣ стало искать дороги.

Безъ дороги я шла, забрела въ самую чащу.

Усталость и голодъ одолѣвали меня. Я рвала листья и ими питалась. Мучила жажда, клей вязалъ зубы, а попадались болота: вода была желта, кисла и солона. Но другого гдѣ найти?—и я пила болотную воду.

Такъ началось мое скитаніе, такъ ходила я по лѣсу лѣто до холодовъ.

Случалось слышать голоса, но людей я не видѣла.

Я боялась людей, и нашла у звѣрей дружбу.

Сижу я разъ подъ деревомъ и плачу неутѣшно,—въ первые-то дни какъ было трудно! — и вдругъ шумъ и трескъ по лѣсу. Подымаю глаза — звѣри. Волки меня окружили. Смотрю на нихъ, читаю молитву, думаю, погибну — съѣдятъ. Тотъ лапой, какъ человѣкъ, притрагивается ко мнѣ, другой, сидя, хвостомъ машетъ, третій зубы выкалываетъ. И показалось мнѣ тогда, что и конца не будетъ. И вотъ они стали и пошли прочь—они ничего мнѣ не сдѣлали.

Съ тѣхъ поръ я часто встрѣчалась со звѣрями. Или сердце у нихъ жалостливѣе и чувство желаннѣе? Я звѣрей не боялась.

Босая, въ драномъ платьѣ бродила я по лѣсу. Никто меня не трогалъ и голодомъ я не томила, какъ дома. Или Богъ питалъ меня? Я находила сладкую траву и листья. Болотная вода меня изнуряла, но другой гдѣ было взять? И я считала себя счастливой.

Твердую надежду положила я на Бога. Я поручила себя Матери Божьей: какъ ей угодно, пусть такъ и будетъ.

И вотъ однажды молюсь я подъ деревомъ, — холода ужъ пошли, трудно стало безъ крова,—стою и молюсь, и вижу такая, какъ я, моя сверстница,—взяла меня за руку.

— Пойдемъ,—говорить, — Нюта, больше тебѣ тутъ не быть.

Запыхавшись, быстро, какъ мое быстрое сердце, за руку шли мы. И вышли на дорогу,—я этой дороги никогда не видала. Тутъ моя спутница куда-то исчезла.

Смотрю, нѣтъ нигдѣ. Покликала, — нѣту! И куда она дѣлась, — не пойму, не придумаю.

Вечерѣло. Я одна шла по дорогѣ. И привела меня дорога на поле, а тамъ люди. Оторопѣла я, да пересилила страхъ, и подошла.

Вѣрно, странный былъ видъ у меня — я боюсь, а они меня испугались! Я попросила воды напиться, а они ровно и не понимаютъ меня: испугались! Перекрестилась я.

Ну, они и напоили меня, перестали бояться.

А когда пришло время итти имъ съ поля домой, они меня не покинули.

Господи! Я словно изъ мертвыхъ воскресла! Такъ истосковалось сердце мое.

Съ поля привели меня въ домъ, тутъ меня и приютили.

3.

Новая моя жизнь началась у чужихъ. Добрые люди оказались мои покровители — старикъ да старуха Рубцовы. Участиливо они приняли меня, наряжали и смотрѣли за мной. Я была привязчива и скоро полюбила ихъ. Ужъ думала, вновь родилась я, и все повторяла — какъ я счастлива!

Счастливая, я и представить себѣ не могла, гдѣ я. Мнѣ казалось, я зашла на край свѣта и родные меня никогда не отыщутъ: на краю свѣта стоялъ домъ Рубцовыхъ, въ домѣ жили старикъ со старухой да я съ ними — и какая счастливая!

И съ какою злою горечью пришлось убѣдиться, что я ошиблась.

Въ домъ къ старикамъ наѣзжали замужнія дочери съ мужьями и сынъ женатый, а жили они въ томъ самомъ городѣ — вѣдь, близко-то какъ! — гдѣ стоялъ полкъ моего дяди. Понемногу все они у меня выпытали и дали знать въ полкъ къ дядѣ.

И вотъ какъ-то въ будній день совсѣмъ неожиданно пріѣхали гости. Я заглянула въ окно и въ глазахъ почернѣло: все знакомые мнѣ, я ихъ встрѣчала тамъ еще, въ домѣ род-

ныхъ, когда изъ кухни наряженную приводили меня въ парадныя комнаты,—все изъ дядинаго полку офицеры. И ужъ я не помню, что со мной было.

Знаю, много со мной было хлопотъ. Какъ родные, ухаживали за мной старики, жалѣли, все уговаривали, успокаивали: они никогда не выдадутъ меня дядѣ. Повѣрила и будто бы легче стало,—на время я успокоилась.

На Пасху пріѣхалъ ротмистръ, его я тоже видала у насъ въ домѣ. Должно быть, старики его предупредили: онъ особенно былъ со мною ласковъ, самъ первый подошелъ ко мнѣ, сталъ успокаивать, просилъ, чтобы я ему вѣрила, не боялась.

Я и ему повѣрила. И не боялась. Я только объ одномъ просила, чтобы ничего не говорилъ дядѣ.

Дядя все зналъ. И кто это ему рассказывалъ? Ротмистръ? Ротмистръ часто наѣзжалъ къ намъ и былъ со мной особенно ласковъ. Дядя все зналъ. Я слышала, что мое бѣгство очень его огорчало, онъ даже плакалъ. Не знаю только, съ чего? Не обо мнѣ же? Былъ онъ хитрый человекъ и, пожалуй, не я, не моя судьба, а мое наслѣдство занимало его.

И вотъ узнаю, что заболѣлъ дядя. Ротмистръ сообщилъ о его болѣзни и передалъ мнѣ письмо, и на этотъ разъ много рассказывалъ о немъ. Дядя просилъ меня вернуться.

Ну, а какъ я могла вернуться!

И я рѣшила, все ему сама напишу.

Я просила его не трогать мою душу, и пускай пользуется всѣмъ моимъ наслѣдствомъ, мнѣ ничего не надо, только бы навсегда оставилъ меня, и не называлъ меня родной, просто забылъ бы имя мое, и давала слово ничего дурного не говорить о немъ, просила простить и сама его прощала.

Ротмистръ повезъ мое письмо. А я отъ тревоги едва на ногахъ держалась. Я еще больше стала бояться попасться въ руки. И не могла уйти отъ мысли, что это будетъ, какъ самъ онъ сюда пріѣдетъ. Вѣдь, онъ всякую минуту могъ пріѣхать и силой заставить меня вернуться.

Отчаянно проходили дни. Тревога и слезы. Заслышу колокольчикъ, такъ и замретъ сердце. И одинъ Богъ знаетъ, до чего бы дошло. Всѣми силами я старалась скрыть отъ глазъ тревогу мою, но это не всегда удавалось!

Гостила въ домѣ у стариковъ моихъ помѣщица одна—вдова Лижарева, не знаю, родственница ихъ или знакомая, не разбиралась я тогда, не до того было. Только замѣтила я, что Александра Петровна какъ-то все смотритъ на меня, и особенно, когда останусь наединѣ съ ней. И скоро поняла я, что она все понимаетъ.

Какъ-то Александра Петровна тихо сказала, лаская меня: — Нюта, поѣдемъ ко мнѣ!

Господи! Я подняла глаза, словъ не было. Я готова была, куда угодно.

— Но чтобы никто не зналъ объ этомъ, Нюта!

И она велѣла приготовить для меня экипажъ—она его отправитъ со мной домой, а сама, переночевавъ, въ другомъ поѣдетъ!—назначила, куда еще съ вечера ѣхать дожидаться и подкупила горничную провести меня ночью тихонько черезъ садъ въ назначенное мѣсто.

Вечеромъ совсѣмъ случайно съѣхались гости. Меня все выдавало, только кому догадаться? И было такъ, какъ бываетъ въ канунъ. Я чувствовала, что всѣмъ нравлюсь. И особенно мои старики—они были такъ ласковы со мной и отчего-то грустны. Чуяли? И минутами мнѣ такъ не хотѣлось разставаться, такъ бы, кажется, до смерти и прожила въ ихъ домѣ: за два-то года я привязалась и они меня полюбили. И только одно выводило меня изъ моей нерѣшительности и очень важное: старики мои сами боялись дядю, я это чувствовала.

Когда разъѣхались гости, я простилась и пошла въ свою комнату. Какъ всегда, я раздѣлась и легла, ну, какъ всегда, и скоро заснула.

И вотъ словно толкнулъ меня кто: въ мою комнату вошла Александра Петровна, и тихонько поцѣловала меня.

— Вставай, Нюта, тебя ждуть!—и сейчас же вышла изъ комнаты.

Я заспѣшила, принялась одѣваться. И вдругъ горечь закипѣла на сердцѣ и я горько заплакала: разставаться не хочется! Но вспомнивъ, что я совсѣмъ беззащитна, оправилась.

Вѣдь, я ничего не знала и куда меня повезутъ, я не знала.

Горничная повела меня садомъ,—тамъ, за сажалкой, насъ поджидалъ экипажъ.

Уже заря занялась. Ну, прощайте! И какія-то горькія думы, заревыя утреннія, обожгли мое сердце несмышленное и перепуганное. Дорога меня баюкала, убаюкала—по дѣтски помирилась я и спала, какъ убитая.

Когда я проснулась, мы вѣзжали во дворъ усадьбы. Я была не одна, со мной ѣхала Саша, горничная Александры Петровны. Очень радушно приняли насъ въ домѣ, мы и обѣдали и чай пили. Барышни - хозяйки ухаживали за мной и все мнѣ дѣлали. Послѣ чаю, вижу, лошадей закладываютъ. Мѣшкать нечего. Надавали намъ пироговъ въ дорогу, яблокъ, много всего, за ворота проводили—и съ Богомъ!

Саша веселая, все-то смѣшила меня и я, глядя на нее, разсмѣялась: вѣдь, я была въ безопасности, чего же не смѣяться!

Къ вечеру остановились мы у священника. Батюшка зналъ о насъ и встрѣтилъ, какъ знакомыхъ. Тутъ намъ пришлось долго ждать. И на меня опять напалъ страхъ: что со мной будетъ? Тихонько я стала молиться. Какъ тамъ, въ лѣсу, я молилась,—поручала себя Матери Божьей: пусть будетъ воля ея надо мной.

Лишь позднимъ вечеромъ пріѣхала Александра Петровна. Ну, какъ родную мать я встрѣтила ее и она безпрестанно цѣловала меня.

Перебывъ ночь, съ разсвѣтомъ мы тронулись въ путь. И не замѣтили, какъ день прошелъ. Веселой дорогой къ вечеру пріѣхали къ Лихаревымъ. У воротъ встрѣтилъ насъ сынъ Александры Петровны.

— Я тебѣ, Ваня, невѣсту привезла!—сказала Александра Петровна сыну.

А у меня духъ захватило: какъ увидѣла я красный офицерскій воротникъ, и почему-то рѣшила, что опять въ западню попала. И, должно быть, сильно испугалась. Не помню, что было, а когда я пришла въ себя, оказывается, ужъ за докторомъ послали. Я рассказала все по правдѣ. Надо мной смѣялись,—Иванъ Александровичъ служилъ въ другомъ полку и мало чего зналъ о моемъ дядѣ.

Такъ началась моя жизнь опять у чужихъ въ новомъ домѣ. Сама я ничего о себѣ не рассказывала. Но Александра Петровна и безъ меня знала. Необыкновенной внимательностью окружила меня. А когда я свыклась, Александра Петровна стала уговаривать меня выйти замужъ за ея сына. А я слышать ничего не хотѣла. Конечно, поживи я у нихъ подольше, со временемъ, возможно, и вышла бы замужъ.

Три мѣсяца прошло моей новой жизни. Въ главномъ своемъ я была совсѣмъ спокойна—никакіе страхи больше не тревожили меня, и только это сватовство смутило.

Случай перевернулъ мою жизнь.

Къ Лихаревымъ пріѣхала богатая ихъ родственница, Рыжова. Съ перваго же дня очень я ей понравилась и она меня просто не отпускала отъ себя. И меня приманивала къ ней ея ласковость. Или такъ: у родныхъ меня крѣпко ударило и вотъ на всякое тихое слово я шла теперь къ чужимъ открыто и довѣрчиво.

Александра Петровна скоро замѣтила, какъ довѣрчиво смотрю я на эту ея родственницу, на Татьяну Карповну, и стала просить ее уговорить меня выйти замужъ, да и самъ Иванъ Александровичъ, я слышала, просилъ ее повліять на меня. Татьяна Карповна дала имъ слово, но съ тѣмъ, чтобы меня отпустили къ ней.

Они согласились.

И вотъ опять—опять мнѣ дорога.

Не жалуюсь, мнѣ было хорошо у Лихаревыхъ, но что-то въ тайнѣ меня отзывало изъ ихъ дома и я легко приняла вѣсть объ отъѣздѣ.

А когда прощались, какъ мы всё плакали: и я и Александра Петровна и Иванъ Александровичъ.

5.

У новой покровительницы моей не было дѣтей. Въ день нашего пріѣзда Татьяна Карповна рассказала мужу, какъ встрѣтила меня у Лихаревыхъ и полюбила съ перваго взгляда.

— Пусть будетъ нашей дочерью!

И вправду, я жила въ богатомъ ихъ рыковскомъ домѣ, какъ родная дочь.

Отъ навязчивыхъ страховъ моихъ я почти освободилась да такъ бы и забыла про старое, и вотъ опять все всколыхнулось.

Какъ когда-то у Рубцовыхъ, неожиданно подѣхали къ дому гости—все военные. Я случайно увидѣла изъ окна и все вспомнила, всё тѣ свои дни, въ родномъ домѣ, гдѣ меня мучили. Къ счастью, я была одна въ комнатѣ, и когда позвали меня, я уже оправилась. И все-таки выйти къ гостямъ я не могла: мнѣ страшно было подумать, что обо мнѣ станетъ извѣстно моему дядѣ и опять начнется. Я такъ и сказала.

Отвѣтъ мой не мало удивилъ Татьяну Карповну. Она передала гостямъ, назвала мое имя, и оказалось, что многіе изъ нихъ, бывая у насъ, знали меня совсѣмъ ребенкомъ, и очень любопытствовали посмотреть на меня. Татьяна Карповна тайно имъ показала меня, и они рассказали ей, кто я такая.

Евгеній Германовичъ, мужъ Татьяны Карповны, очень былъ растроганъ моей долей, и вскорѣ, какъ я послѣ узнала, познакомился съ моимъ дядей и досталъ отъ него мои документы.

Меня же онъ успокоилъ: онъ никому не позволитъ меня тронуть.

Я повѣрила. Я поняла тогда, какое значеніе даже для моего дяди имѣли мои богатые покровители.

Гости часто наѣзжали къ намъ и особенно часто офицеры изъ полка моего дяди и пріѣздъ ихъ ужъ мало волновалъ меня: для меня стало ясно, что нахожусь подъ крѣпкой защитой. О дядѣ не было рѣчи. Потомъ вдругъ перестали бывать: ихъ

полкъ перевели въ другой городъ. И стало въ домѣ совсѣмъ ужъ тихо. А потомъ слышу, дядя мой померъ.

Когда я узнала о его смерти, я пришла, и сама не знаю, въ изступленіе. Горѣла вся. Какъ благодарила я Бога, что нѣтъ у меня родства на землѣ и никто больше никогда ужъ не тронетъ меня. Вѣрила, покинутую, меня самъ Богъ принялъ, я вѣрила, беззащитной, Онъ послалъ мнѣ ангела хранителя на всю мою жизнь. И въ слезахъ безудержныхъ — благодарныхъ и горькихъ — поручала я себя Матери Божьей, клялась ей безъ ея воли не располагать собой — и чтобы ни случилось, воля ея. И неустанно благодарила, что услышалъ Богъ молитву: просила и вотъ стало — я свободна, я одна во всемъ мірѣ.

Но ужъ и тогда, чувствуя, только смутно, безсчастье свое и мечтая о какой-то жизни, не похожей на ту, что видѣла близко, о какой-то праздничной страдѣ жизни, вся открытая къ страстямъ, молилась:

— Господи, дай претерпѣть, Господи, все претерплю!

6.

Мнѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ.

Забыли ли покровители мои о словѣ — уговорить меня выйти замужъ за Лихарева, либо у Лихаревыхъ за этотъ мой рыковский годъ случилось что, сама я никогда не заговаривала, и отъ Рыковыхъ все меньше слышала о нихъ, а потомъ и совсѣмъ перестали упоминать.

У Рыковыхъ меня любили, — спокойно, хорошо мнѣ было на этомъ новомъ мѣстѣ, только очень скучно одной.

И чтобы какъ-нибудь развлечься, стала я заводить знакомства съ сосѣдами.

Какъ-то гостила я у Щупаковъ, сосѣдей Рыковыхъ. Семья большая—много подругъ. Съ подругами не скучно, и не замѣтила, какъ прошло время, и ужъ пора было мнѣ домой уѣзжать, а страсть не хотѣлось: дома одной скучно, да и еще что-то, сама не знаю. Вотъ все и думаю, какъ бы такъ задержаться,

не ѣхать, — Богу молюсь, чтобы случилось какое препятствіе: задержаться.

А тамъ, вотъ грѣхъ какой, и случилось — случился боольшой пожаръ: все село выгорѣло, домъ сгорѣлъ и только уцѣлѣла церковь.

Куда же мнѣ было возвращаться?

Я и осталась у Щунаковъ, и время пошло еще веселѣе. Постоянно гости, вечера, — весело. Я знала, что многимъ я нравлюсь, и мнѣ было пріятно, что я нравлюсь и за мной ухаживали. Особенно ихъ дядя, Викторъ Михайловичъ, ужъ не молодой, я видѣла, онъ во мнѣ души не чаеъ. Въ шутку, такъ, я дала ему слово. А по правдѣ-то ни за кого не собиралась, за него и подавно — вѣдь, онъ мнѣ въ дѣды годится! Конечно, въ шутку: пусть будетъ, — вотъ смѣшно-то! — я его невѣста, онъ мой женихъ. Много потѣшилась. А вышло-то совсѣмъ не такъ, совсѣмъ не до шутокъ.

Пока-то я развлекалась, да пока что, а у старшихъ тайно отъ меня свое дѣлалось, сдѣлано было мнѣ приданое, заново отдѣланъ домъ. И къ концу лѣта все было готово къ свадьбѣ, оставалось одно — объявить насъ женихомъ и невѣстой. Вотъ тебѣ и шутки!

И наконецъ назначенъ былъ вечеръ у Виктора Михайловича—жениха-то моего. Все наше семейство и старые Щунаки и молодые, подруги мои, принялись за сборы. Я отказалась. Я сообразила,—еще бы!—но ужъ было поздно. И невозможно. Какъ! мнѣ — не ѣхать? Да, вѣдь, для меня же и эти сборы и этотъ торжественный вечеръ, нѣтъ, невозможно.

Гостей собралось, какъ на Пасху. И чего только не было наготовлено для торжества! Но это меня не занимало. Одна была мысль, что я сдѣлала и совсѣмъ не подумала, не подумавши, сдѣлала. Я все винила себя, и не знала, какъ выпутаться. А на меня смотрѣли — каждый смотрѣлъ, какъ на невѣсту. И если про это громко не говорилось пока, все равно, что говорилось. И было мнѣ: сквозъ землю провалиться — одно спасеніе.

И на слѣдующій день торжество продолжалось. И опять я — невѣста, я — все. Мнѣ показывали всякія хозяйственныя

вещи — ловили мой взглядъ. Я хорошо понимала, что все это для меня собрано и безъ меня ничего не было бы. Мнѣ показывали комнаты, и въ заключеніе повели въ нашу будущую спальню. Я больше не могла, я попросилась домой.

Съ какимъ тяжелымъ чувствомъ вырвалась я на свободу, какія темныя думы задавили мои свободныя мысли. Во всемъ я себя винила.

Сказать прямо, что не хочу и не пойду замужъ, на это я не рѣшалась. Я не хотѣла выходить замужъ, вся душа моя была противъ, а что-то такое останавливало меня рѣшить такъ безповоротно. А жениха моего Виктора Михайловича я просто стала бояться: тотъ мой прежній страхъ передъ дядей проснулся во мнѣ, и было такъ, словно дядя мой — ихъ дядя Викторъ Михайловичъ, женихъ мой — поднялся изъ гроба.

И вотъ я вспомнила... Я написала двѣ записки — два жеребья: «итти» и «не-итти». Заворачивая записки, говорила къ образу Божьей Матери:

— Тебѣ поручаю судьбу мою, скажи! Что скажешь, то и исполню.

Съ вечера положила я записки за икону. А на утро, помолившись, вынула.

И сказано было:

— Не ходи.

Такъ и вышло «не итти».

Словно съ сердца камень — стало мнѣ ясно и было увѣренно, не должна я итти. Только за однимъ стало: какъ отказаться? Тутъ осѣнило меня: отпращусь на богомолье въ пустыню! И сказала, что хочу поговѣть.

Повѣрили. Вѣдь, это такъ похоже: я готовилась къ новой жизни — рѣшала свою судьбу! И меня отпустили.

Всѣмъ домомъ провожали меня Щупаки и онъ тутъ былъ, ихъ дядя, Викторъ Михайловичъ, женихъ мой. Съ горькимъ чувствомъ я прощалась: никто изъ нихъ ничего мнѣ дурного не сдѣлалъ, а я съ ними такъ — не такъ сдѣлала.

— Черезъ недѣлю лошадей пришлите! — обернулась я въ послѣдній разъ, а въ сердцѣ говорила: — прощайте, никогда не вернусь!

Въ Глинской пустыни я остановилась въ гостинницѣ.

Нашлись знакомые монахи, — я видала ихъ у Щупаковъ, пріѣзжали на празникъ со святомъ, — они меня и устроили. Лошадей я отпустила, сказала, что пріѣхала поговѣть.

Много было пріѣзжихъ, попадались и дальніе: всѣхъ привлекала Глинская пустынь, хотѣлось повидать и получить совѣтъ отъ строителя пустыни о. Филарета, — о праведной жизни старца шла молва по всей Россіи.

И на другой день я его увидѣла. Не думала, старецъ самъ зашелъ ко мнѣ. И я рассказала ему всю мою странную жизнь до послѣдняго дня и о сватовствѣ моемъ, все безъ утайки.

— Я такъ увѣрена, — сказала я, — не угодно это Матери Божьей.

Старецъ ласково смотрѣлъ на меня.

— Я рѣшила итти въ монастырь.

И увидѣла, какъ перемѣнился старецъ, и не могла понять, отчего такая скорбь на лицѣ его. Ужъ подумала: «не наговорила ли я чего лишняго или я говорила не такъ?»

Вдругъ старецъ поднялся.

— Путь твой благой, но прискорбенъ, — пусть Богъ управляетъ тобой, положишься на него!

И когда я осталась одна, въ вечернихъ сумеркахъ не вечерній свѣтъ осѣнилъ меня. Хотѣлось плакать мнѣ не отъ страха, не отъ горечи, не отъ обиды, какъ плакала я, а отъ какой-то горькой радости, переполнившей мнѣ сердце.

Въ монастырѣ звонили ко всенощной.

И вотъ безъ стуку, или не слышала, вошли ко мнѣ въ мою комнату три сверстницы. Присѣли ко мнѣ и знакомое что-то рассказывали о несчастной судьбѣ своей.

— Мы рѣшили итти въ монастырь!

— Возьмите и меня съ собой! — обрадовалась я.

— Пойдемъ, ты намъ будешь сестра.

Въ монастырѣ звонили ко всенощной.

И послѣ всенощной четверо насъ неразлучно — мы перебрались въ одну комнату, — всю ночь другъ съ другомъ, другъ

другу за ночь все повѣрили. И до вари загадывали, какъ будемъ странствовать вмѣстѣ, въ монастырь поступимъ, какой подвигъ возьмемъ на себя.

Отстояли раннюю обѣдню, а послѣ молебна — въ путь.

8.

«Путь твой благой, но прискорбенъ!»

Я это на всю жизнь запомнила до послѣднихъ дней.

Не весело начался путь. Съ перваго дня разболѣлась: ноги у меня отекали, — не могу итти. Чего только ни дѣлали сестры, — ничего не помогаетъ. И пришлось намъ разстаться: онѣ дальше пошли, а меня приняла попада въдова. Такъ и разстались.

Съ недѣлю пролежала я у попада и вылежалась, — дѣло пошло на поправку. Добрая женщина эта попада не захотѣла съ меня брать, и я рѣшила еще остаться у нея, думаю, какъ-нибудь отблагодарю ее трудами. Я умѣла шить и дочерямъ ея сшила, кожу что понадобилось. И всѣ остались довольны.

И одна вышла я въ путь.

«Путь твой благой, но прискорбенъ» — вспоминались слова старца.

Вышла я на большую дорогу, посматриваю: боялась, ка-бы назадъ не вернуться. Такъ и шла. И вижу, впереди странники — и все женщины. Обрадовалась я, догнала.

— Куда Богъ ведетъ?

— Въ Кіевъ, на богомолье.

— И мнѣ туда!

Обрадовалась я и съ ними пошла.

«Вотъ, — думаю, — Богъ-то послалъ!»

И сначала все ничего, потомъ замѣчаю: смотреть онѣ на меня — нехорошо. Недоброе что-то. Попробовала отстать, да онѣ-то ужъ не хотятъ оставить меня, присяду отдохнуть, остановятся, ждутъ — ни на шагъ безъ меня. Вотъ переглянулись другъ съ другомъ и впередъ меня пропустили. Нѣтъ, все не просто.

На мое счастье, ѣдутъ порожнемъ почтовые. Я къ ямщику.

— Ради Бога,—кричу ямщику,—спаси меня, возьми съ собой!

Остановился ямщикъ.

— Заплачу,—говорю ему,—подвези!

Ямщикъ меня взялъ, только куда же везти?

— Да вези,—говорю,—къ священнику.

— Къ какому?

— Куда ближе, мнѣ все равно.

А ближе было къ той, къ моей попадѣ вдовой.

И опять я на старое мѣсто попала.

А на слѣдующій день узнаю: этихъ странницъ-то, спутницъ моихъ, въ городъ привели связанныхъ. Говорили, что товарку свою зарѣзали—замѣтили ихъ, когда уже мертвую въ лѣсъ волокли закапывать, тутъ и захватили.

Очень я встревожилась. Этотъ случай съ зарѣзанной не выходилъ изъ памяти. И ни за что бы, кажется, одна не вышла изъ дому. Прошелъ день, другой. Добрые люди успокаивали меня. Раздумалась и опять рѣшила: пойду, что Богъ дастъ! И пошла.

«Путь твой благой, но прискорбенъ»—вспоминались слова старца.

И одна все шла. Богъ миловалъ, не видала обиды. Встрѣчали меня привѣтливо, кормили и поили меня. И было мнѣ вольно и миръ весь со мною былъ.

Такъ я шла съ недѣлю, Бога благодарила.

Иду и не нарадуюсь—какъ хорошо въ Божьемъ мирѣ!—а ужъ вечеръ, пора и о ночлегѣ подумать. А возвращаются, вижу, съ поля работники. Поровнялись.

— Куда идешь?

— Къ святымъ мѣстамъ,—говорю.

— Иди къ намъ, переночуешь.

Поблагодарила я. Думаю: «Добрые люди—и не прошусь, а сами, зовутъ!» И пошла съ ними.

И привели они меня въ домъ: хорошій домъ, — богатые, видно. Сѣли ужинать и меня накормили.

«Вотъ,—думаю,—отдохну-то, добрые люди!»

Ужъ дремлется, а хозяева все сидятъ, изъ-за стола не

выходить. И вижу, въ горницу народъ набирается и набралось полна горница. Вдругъ поднялась хозяйка, притушила свѣтъ,—чуть огонекъ.

— Идите,—говорить,—дѣвки, въ клетъ, возьмите и stranger-ницу!

Слава Богу, наконецъ-то! Едва различаю, такъ меня сонъ морить.

Каморка тѣсная, темная. Постели ужъ постланы. Скоро всѣ улеглись. Не раздѣваясь, повалилась и я. А сонъ и прошелъ. Не могу уснуть.

Я лежу безсонная и не знаю, съ чего-то мнѣ страшно—все жду чего-то. И до разсвѣта не сомкнула глазъ. И только что свѣтать стало, вошла въ каморку старуха, разбудила сосѣдокъ. Я тоже схватилась.

— Еще рано, спи—не пускаетъ.

— Нѣтъ, я пойду,—говорю,—мнѣ пора!

И только тѣ за дверь, входитъ мужикъ. Тутъ я совсѣмъ оробѣла.

— Мнѣ пора,—говорю,—пустите меня!

— Въ подклѣтъ!—сказалъ мужикъ старухѣ и вышелъ.

Старуха дверь за нимъ притворила. Что было наложено вдоль стѣны, все снимала.

Стою и не знаю, чего ждать? Вижу, въ стѣнѣ плетеная дверка. И какъ увидѣла я эту дверку, взяла меня дрожь.

А старуха обернулась, да за руки—и потащила.

Ничего я не помню, только когда я очнулась, такая тоска. Долго я плакала, ничего сообразить не могла. Потомъ раздумалась.

«Вѣрно, я заслужила такое!»—и приняла свою участь.

Голодомъ меня не морили. Какія-то женщины давали мнѣ хлѣба. Въ полутьмѣ я едва различала. Молча онѣ входили, ну, хотя бы слово, все молча.

И зачѣмъ меня въ подклѣтъ держали, не понимаю.

«Вѣрно, я заслужила такое!»—повторяла я, тѣмъ и жила.

Я молилась. Божію Матерь просила: пусть будетъ воля ея надо мной! Я была ко всему готова.

Какъ-то ночью опять такая тоска, мѣста не нахожу. Нѣтъ, больше нѣтъ моихъ силъ! Стала я шарить и отыскала лазейку. И вылѣзла изъ моей темницы. Очутилась на дворѣ. Звѣздная ночь. Никого. Только стоитъ среди двора какой-то мальчикъ, и какъ свѣтъ отъ него звѣздный, и тутъ же запряженная повозка.

— Садись!—и самъ вспрыгнулъ проворно.

Я скорѣе въ повозку. И лошадь помчалась. Ъхали лѣсомъ, полемъ и лѣсомъ. Мальчикъ ни слова со мной не промолвилъ, не обернулся. На разсвѣтѣ остановилъ лошадь.

— Слѣзай!—сказалъ и самъ спрыгнулъ.

Я едва на ногахъ держалась.

Смотрю на дорогу: куда мнѣ теперь? И странно, ни повозки, ни мальчика. Спросить-то не у кого.

И вижу,—Господи!—сестры мои благословенныя, съ которыми я рассталась въ первый мой день, онѣ шли по дорогѣ. Бросилась я къ нимъ—все бѣды забыла. И онѣ ко мнѣ,—или и ихъ путь—бѣда?

И въ то утро, въ эту встрѣчу, мы поклялись другъ другу больше никогда не разставаться: будемъ вмѣстѣ всегда и вмѣстѣ умремъ!

До холодовъ мы ходили вмѣстѣ. Побывали и въ монастыряхъ и въ пустыняхъ. Мы присматривались къ монастырской жизни. Испытывали свои силы. Мы укрѣпляли другъ друга, терпѣливо перенося и трудъ и горечь.

Завернула зима и мы раздѣлились: я и сестра Аріанда, мы пошли въ Кіевъ, другія же сестры къ угодникамъ — на еѣверъ.

9.

Подъ Кіевомъ благословилъ насъ Богъ опредѣлиться въ монастырь.

Полгода мы прожили на общемъ послушаніи,—все, что намъ прикажутъ, все дѣлали. Потомъ поставили насъ на правый клиросъ. И у меня и у сестры Аріанды былъ голосъ, и тяготы мы не чувствовали, напротивъ.

Мы вмѣстѣ дали обѣтъ постричься и готовились вмѣстѣ. Неразлучно. Да не по нашему вышло, не привелъ Богъ. Разлучились: на другой годъ померла Аріанда—сестра моя благовословенная.

Я оставалась клирошанкой, и къ празднику меня сдѣлали канонархомъ. И это[?] меня не обрадовало и не утѣшило. Безъ сестры моей тоскливо проходили дни,—я съ ней сдружилась и полюбила ее, какъ сестру.

Трудный выпалъ мнѣ годъ.

Прежде, бывало, когда жива была Аріанда, ко мнѣ всѣ были добры и послушницы и монахини, и вдругъ все перемѣнилось. Богъ знаетъ, чего только ни наговаривали на меня молодыя—или изъ зависти?—и въ чемъ только ни подозрѣвали старыя. Больше терпѣла я отъ монахинь. Былъ ли съ ихъ стороны умыселъ—испытать терпѣніе послушницы—или ужъ такъ бываетъ всегда по слабости человѣческой изводить подначальнаго, не могу сказать. Конечно, я должна была все терпѣть—я готовилась къ постригу! Я должна была на всѣ укоры и упреки и совѣтъ напрасные отвѣчать кроткимъ молчаніемъ, а я оправдывалась, и дѣло доходило до криковъ, и меня ужъ поѣдомъ ѣли. И въ отчаяніи впадала я въ уныніе, мое сердце ожесточалось и молитвы мои, такія ясныя и покорныя, горько вышептывались жалобой.

А тутъ и новая бѣда. Испугалась—стало мнѣ казаться, что по лѣтамъ моимъ рано,—мнѣ шелъ восемнадцатый годъ,—рано мнѣ еще съ міромъ разставаться, и не слѣдуетъ ли и еще послужить Богу безъ пострига?

Скажу по правдѣ, тайная мысль о замужествѣ останавливала меня.

И эта мысль приводила меня въ ужасъ—вѣдь, я дала обѣтъ постричься!

Я знала, что я многимъ нравлюсь, видѣла, какъ на меня заглядываются, когда выхожу на амвонъ канонаршить. И мнѣ было пріятно, что я нравлюсь, а находились и такіе, что и мнѣ самой нравились.

Ожесточеніе и горькая молитва, тайныя грѣшныя мечты и такой укоръ, на свѣтъ не смотрѣла-бъ.

Я теряла послѣднюю увѣренность.

И сны по ночамъ мнѣ стали сниться странные.

Я расскажу одинъ сонъ, особенно поразившій меня въ ту страдную пору моей жизни, а приснился на праздникъ Преображенія.

Стою я будто на нашемъ монастырскомъ дворѣ и слышу въ воздухѣ надъ моей головой разговоры, но кто говорить, не видно. Называютъ меня по имени, говорили, что меня громомъ убьетъ. А шла большая гроза, и такая страшная. Стала я каяться, прошу пощадить меня. Молонья сверкнула. Заплакала я: не миновать ужъ. И слышу:

«Ты не увидишь того, кто говорить съ тобой».

И былъ этотъ голосъ внезапный, какъ молнія.

Содрогаясь, я плакала.

И вотъ небо стало очищаться, тучи разошлись, просвѣтлѣло.

Иду по двору къ дому. У дверей мальчикъ загородилъ мнѣ дорогу, тотъ самый, что спасъ меня когда-то, въ рукахъ у него два серебряныхъ подсвѣчника, свѣчи зажжены.

— Ты хочешь знать,—сказалъ онъ,—какая у тебя смерть будетъ, ты Бога просила!—и, подавая мнѣ свѣчи, отворилъ дверь.

И только я переступила порогъ, ударилъ громъ и правая рука моя загорѣлась отъ боли, а свѣчи погасли.

— Меня громъ убилъ!—закричала я, изнывая во тьмѣ.

И опять я на нашемъ монастырскомъ дворѣ. Свѣтъ не похожій—не солнечный, не вечерній, ни день, ни ночь, и въ свѣтѣ Спаситель, а у Его ногъ семь дубовыхъ кадей полны пшеницы.

Я протянула руки мои—

И Онъ благословилъ меня:

«Иди въ міръ!».

Такъ и слышу и тоскою на сердцѣ лежить:

«Иди въ міръ!».

10.

Мнѣ назначили новое послушаніе: мнѣ велѣно было по домамъ ходить для отправленія службъ — читать по покойни-

камъ псалтырь, ухаживать и утѣшать. Судьба привела меня въ богатый купеческій домъ къ Каблуковымъ. И тамъ самъ хозяинъ Каблуковъ, человѣкъ ужъ пожилой, съ годъ какъ овдовѣвшій, сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Почему-то это меня страшно оскорбило, я рѣзко отказала, и, въ тотъ же день, не дожидаясь своего срока, ушла назадъ въ монастырь.

Съ возмущеніемъ рассказала я матери Агніи—старой монахинѣ, у которой находилась подѣ началомъ. И ждала, что наставница моя заступится за меня. Но къ удивленію моему мать Агнія не только не выразила никакого сочувствія, а мною же осталась недовольна. А когда разнеслось по монастырю о моемъ поступкѣ, старыя монатежныя монахини открыто порицали меня, ставя въ вину мнѣ и мое самовольство—самовольно я оставила дѣло, ушла отъ Каблуковыхъ, уставъ нарушила послушанія!—и мой отвѣтъ Каблукову! какъ могла я себѣ позволить рѣзко, не подобающе, говорить со старшимъ и уважаемымъ человѣкомъ?

Не безъ вѣдома игуменни, тоже не одобрявшей мой поступокъ, меня снова назначили къ Каблуковымъ. Умерла у нихъ тетка, и вотъ для отправленія сорокоуста меня и назначили. И на этотъ разъ не одну, а съ наставницей моей матерью Агніей.

Мать Агнія оказалась пріятельницей старухи Каблуковой, матери хозяина, и я видѣла, какъ старухи все шушукались да слѣдили за мной. Послѣ ужъ я узнала, что Настасья Ѳеодоровна была въ заговорѣ съ Агніей, и Агнія для нея старалась. Самъ же хозяинъ Иванъ Антиповичъ по прежнему не сводилъ съ меня глазъ, я это чувствовала и видѣла, но никакихъ предложеній, ничего такого, будто ничего и не было.

Окончивъ службы, мы вернулись въ монастырь. Еще дорогой Агнія заводила со мной разговоры, и не трудно было догадаться, къ чему клонила. Въ монастырѣ же, въ кельѣ, Агнія откровенно принялась уговаривать меня выйти замужъ за старика Каблукова. И на всѣ мои возраженія, ничего не слушая, приводила свои неоспоримыя доказательства,—Каблуковы славились на всю округу, Каблуковы были первые

вкладчики въ монастырѣ! — и въ концѣ концовъ выходило какъ-то такъ, что замужество мое будетъ угодно Богу.

Если бы Каблуковъ былъ мнѣ по сердцу! Нѣтъ, меня все возмущало, и эту старую сводню, наставницу мою... да просто я и не знаю, что бы съ ней я тогда сдѣлала! Я крѣпилась, я хотѣла взять кротостью, такъ полагалось мнѣ: вѣдь, я готовилась къ постригу! Но когда за Агнѣй напустились на меня всѣ наши монахини, я больше не выдержала.

— Грѣхъ вамъ,—крикнула я,—выгнать меня хотите! А я не хочу, не хочу! Уйду я отъ васъ!

Монахини примолкли, и, перебирая четки свои, искоса посматривали на меня, и отъ глазъ ихъ злыхъ и укорныхъ и молчанія невыносимо становилось. Нѣтъ, больше оставаться въ монастырѣ невозможно было. И я рѣшила тайно: уйду. И стала собираться, будто на богомолье.

Но видно, Божьяго не избѣгнешь.

Или неужодна я была Богу?

Какъ въ угарѣ жила я эти дни. Слышала, какимъ голосомъ голосъ звучалъ мой. Это сердце мое въ голосъ выговаривало свою жалобу, желанія мои несказанные голосомъ сердца сказывались къ Богу.

На Покровъ за всенощной вдругъ словно темная волна прошла вотъ тутъ черезъ меня, затрясло меня всю и, не дождавшись величанія, я ушла изъ церкви. Ночью жаръ сковалъ мнѣ голову и я не могла пересилить себя, не могла остановить мыслей—онѣ, какъ огненный клубокъ, завертывались и развертывались. А на утро безъ памяти я лежала въ горячкѣ.

11.

Первое, что меня поразило, когда я очнулась, вижу, не въ монастырѣ я—не въ кельѣ моей тѣсной и бѣлой, а у Каблуковыхъ въ ихъ богатомъ домѣ, и у кровати моей старуха мать сидитъ, Настасья Θεодоровна.

А было это такъ: узнавъ о моей болѣзни, самъ Каблуковъ упросилъ игуменью, и больную, безъ памяти, меня перевезли, будто въ больницу, въ шхъ домъ.

Мнѣ оказывали самое трогательное вниманіе. Настасья Ѳедоровна не отходила отъ меня, и самъ Каблуковъ постоянно навѣдывался. Часто навѣзжалъ докторъ. Какъ за родной, ухаживали.

Когда же стало мнѣ легче, стала я поправляться и докторъ позволилъ мнѣ выходить, я тотчасъ же собралась въ монастырь. Но объ этомъ и слышать не хотѣли. И принуждена была остаться: я рѣшила отблагодарить ихъ чѣмъ-нибудь за ихъ хлопоты и участіе,—какъ за родной, вѣдь, ухаживали. И совсѣмъ поправившись, помогала я Настасѣ Ѳедоровнѣ по хозяйству, исполняла всякія ея порученія.

Такъ и прожила я у Каблуковыхъ съ полгода.

И за все это время про старое ни разу и не вспомнили, и мнѣ казалось, что улеглось все. Я ошиблась: сначала намеками, потомъ ужъ открыто стала меня упрашивать старуха выйти замужъ за ея сына, за старика, и самъ старикъ снова заговорилъ со мной о женитьбѣ.

Я имъ была очень благодарна и, можетъ быть, не достаточно отблагодарила ихъ за ихъ участіе, но рѣшиться на такое я никакъ не могла. Иванъ Антиповичъ — человѣкъ хорошій, я это видѣла, и за полгода убѣдилась, но любви-то у меня къ нему не было.

Кротко, ужъ совсѣмъ по другому, выслушивала я всѣ его признанія.

Но надо и мнѣ было, наконецъ, отвѣтить.

— Обождите, — сказала я, — поѣду въ монастырь, посоветуюсь, тогда и скажу.

Такой отвѣтъ мой взбудоражилъ весь домъ, словно въ простыхъ словахъ моихъ все было — все рѣшеніе мое. Ждать не заставили, и въ тотъ же день я поѣхала въ монастырь.

А какъ въ монастырѣ мнѣ обрадовались, и не думала. И все я забыла, всѣ огорченія,—какъ въ родной домъ воротилась. Лошадей я отправила назадъ къ Каблуковымъ, велѣла сказать, что остаюсь говѣть, и просила за мной пріѣхать на первый день Пасхи.

Въ монастырѣ я сказала, что думаю годъ еще прожить у Каблуковыхъ въ благодарность за ихъ участіе—какъ за род-

ной, вѣдь, ходили!—а потомъ навсегда ужъ вернусь въ мою тѣсную бѣлую келью. На службѣ я стала съ самыми послѣдними въ притворѣ. Это замѣтили и стали уговаривать меня войти на клиросъ.

— Полгода ужъ будетъ, какъ Матери Божьей не служишь.

И отъ этихъ словъ, какъ громомъ, меня ударило.

Я упала передъ образомъ Божьей Матери и плачемъ безсильнымъ, плачемъ отчаяннымъ заплакала.

— Благослови Ты меня, Матерь пречистая! Вотъ я вся тутъ. Какъ тебѣ угодно! Не отступаю отъ тебя.

И принявъ отъ игуменни благословеніе, одѣлась въ монашеское платье и опять стала на клиросъ на старомъ своемъ мѣстѣ. Мнѣ велѣно было начать послѣднюю седмицу — страстную.

12.

Пасха въ тотъ годъ была ранняя.

Почернѣвшее мартовское небо надъ бѣлымъ снѣгомъ пожелало мнѣ въ тѣ дни оградой—мнѣ міръ былъ тѣсенъ.

Безъ срока въ служеніи прожила я страстные дни. Въ великую субботу приобщалась. Послѣдній мой часъ близился.

И какъ тамъ, въ лѣсу, клялась я Божьей Матери, одной моею заступницѣ,—въ ея волю, подъ ея покровъ отдавала себя.

И вотъ въ великую субботу послѣ обѣдни, когда въ церкви, кромѣ меня, никого не было, я сдѣлала два жеребья — двѣ записки, на одной написала—«въ монастырѣ быть», на другой—«замужъ итти», свернула записки и положила за чудотворный образъ Божьей Матери.

— Матерь Божья, благослови!

Едва дождалась заутрени. Все горѣло во мнѣ: сердце горѣло, душа горѣла, духъ изнывалъ.

Какъ въ огнѣ прошла и заутреня.

— Христосъ воскресъ!—слезы горѣли, и былъ мой голосъ на весь міръ:—Христосъ воскресъ!

А когда кончили христосованіе, передъ обѣдней я подошла къ чудотворному образу Божьей Матери, тихонько протянула руку, незамѣтно взяла свой жеребій.

И мнѣ вышло: «итти».

Снова завернула я записку, смѣшала, не повѣрила.

«Матерь Божія, ты меня выгоняешь?»

И еще разъ вынула.

И въ глазахъ у меня потемнѣло: тоже и опять — «замужъ итти».

«Стало быть, итти!»

— Иду, воля твоя! — поцѣловала я образъ Матери Божіей и пошла на клирсь, руки дрожали.

Кончилась обѣдня, вернулась я въ мою келью. И только что къ столу присѣла, слышу, зовутъ: лошадей прислали отъ Каблуковыхъ, ѣхать! Ну, что же, надо ѣхать, — и сейчасъ же къ игуменѣ.

— Благословите, за мной прислали! — я сказала такъ твердо, словно была внѣ воли и выше всякой власти.

Игуменья посмотрѣла на меня, но, должно быть, видъ у меня былъ необычайный, и поспѣшно поднялась съ кресла.

— Христось благословить и Матерь Божія! — перекрестила она меня и, подавая просфору, шутя: — можетъ, замужъ пойдешь?

Я ни слова не отвѣтила, поцѣловала ей руку.

И вернулась въ келью. И какъ-то мнѣ все безразлично. Матерь Божія, спаси меня! Тутъ вошла Агнія, вижу, все знаетъ. Попрощались. И не оглянулась я, поѣхала, чтобы никогда не вернуться.

И всю-то дорогу меня колотила ледяная дрожь.

У воротъ встрѣчаетъ старикъ Каблуковъ. Не разговлялись, меня ждали. И прямо сѣли за столъ.

— Христось воскресъ!

А я, какъ мертвая...

— Христось воскресъ!

Не могу, не могу я отвѣтить.

Сидимъ разговляемся. Тутъ мать старуха Настасья Федоровна напоминаетъ обѣщаніе.

— Ну, что, рѣшилась?

И я сказала, — конечно! — и слово ему дала.

И сейчас же благословили — мать благословила Казанской.

— Христосъ воскресъ!

— Востину, — говорю... «воистину», — Господи! Господи! — а на сердцѣ-то смерть.

Двѣ недѣли шли сборы къ свадьбѣ. И все я держалась и только въ послѣдній день не могла осилить тоски моей, вдругъ расплакалась — и не могла удержать слезъ, плакала безсильнымъ плачемъ, отчаяннымъ. Видѣла, что огорчаю, я знала, что не надо этого, и не могла остановиться.

Старикъ, видя слезы мои, долго не рѣшался подойти ко мнѣ, около тихонько ходилъ: видно, боялся потревожить. И помню, подъ вечеръ ужъ, ласково такъ подошелъ:

— Чего вы все плачете?

Рѣзко я отвѣтила:

— Я васъ любить не буду.

— Неужто нѣтъ? — и отошелъ и стоялъ, сгорбившись, я видѣла, совсѣмъ, совсѣмъ старый, глаза закрылъ, — «неужто нѣтъ?»

А когда обернулся, я ужъ не плакала.

13.

Долго въ народѣ молва ходила: богатый купецъ старикъ Каблуковъ женился на молоденькой монашкѣ! Конечно, въ глаза никто не скажетъ, боялись, а такъ — много злословили. Ну, Богъ съ ними!

Богъ благословилъ, пошли у насъ дѣти. За пять лѣтъ — пятеро, все мальчики, только послѣдняя — дѣвочка.

Послѣ рожденія дочери жизнь наша измѣнилась. И произошло это совсѣмъ неожиданно.

По старой монастырской привычкѣ ночью я встала на молитву и вотъ однажды во время молитвы я почувствовала, какъ душа моя словно оторвалась отъ тѣла. И я увидѣла въ окнѣ свѣтъ необыкновенный и въ свѣтѣ Божию Матерь. Страхъ овладѣлъ мною, я бѣжать хотѣла отъ страха, да только что

выскочила изъ спальни, а Божія Матерь идетъ навстрѣчу и мимо меня, незамѣчая, въ мою спальню. А въ дверяхъ сосѣдней комнаты архангелъ съ обнаженнымъ мечомъ. Божія Матерь стала посреди спальни лицомъ къ образамъ,—въ рукахъ золотая труба: она поднесла трубу къ губамъ, дунула и полетѣли изъ трубы цвѣты и огни и цвѣты, какъ звѣзды. Стала я на колѣни у порога:

— Царица небесная, ты пришла не для одной меня, помилуй, пощади родъ человѣческій! — и въ землю ей поклонилась.

А когда поднялась я, ея уже не было. Со страхомъ заглянула я въ сосѣдную комнату—и архангела не было.

И вотъ съ этой ночи жизнь наша измѣнилась.

Мы продолжали жить вмѣстѣ въ одномъ домѣ, мужъ занималъ одну половину, я—другую. По утрамъ мы сходились въ столовой. Жизнь наша была для дѣтей. Намъ хотѣлось, чтобы вышли изъ нихъ совѣстливые люди. На ихъ воспитаніе мы ничего не жалѣли. Подготовивъ сперва дома, отдали въ училище: старшихъ—въ корпусъ, младшихъ въ гимназію.

Мы не тяготились ни дѣтьми, ни другъ другомъ. Время проходило въ заботахъ. И двадцать два года прожили мы вмѣстѣ. Я къ нему, какъ къ родному отцу, а онъ — ровно дитя я ему, такъ и называлъ. Вѣдь, онъ былъ вдовецъ и отъ первой жены у него не было дѣтей, и я первая замѣнила ему ребенка.

А какая для него была радость, когда родился нашъ первый сынъ! Отъ радости онъ плакалъ, благодарилъ Бога и просилъ у Бога, далъ бы Богъ дождаться увидѣть сына взрослымъ.

И дождался: старшій нашъ сынъ женился и дочь замужъ вышла.

И умиралъ старикъ счастливый, спокойно.

Завѣщалъ онъ передъ смертью дѣтямъ жить по Божьмъ, по совѣсти и быть справедливыми.

Смерть его у всякаго останется въ памяти. Рѣдко человѣку пошлетъ Богъ такъ окончить дни,—все самъ себя приготовилъ, пособоровался, пріобщился, и не лежалъ, а все брѣ-

диль, со всѣми прощался, словно готовился въ дальнюю дорогу.

И ушелъ—какъ это все странно на бѣломъ свѣтѣ!

14.

Я завела для себя въ домѣ строгій монастырскій уставъ. Я отказалась отъ мяса, никогда не пила вина, и молочное и яйца не ѣла, и лишь зелень да коренья были ѣдой мнѣ. Трудно, но я отучилась и отъ хлѣба. И только въ праздникъ отщипну, бывало, просфоры кусочекъ да глотокъ святой воды, вотъ и все.

Я часто думала о смерти. Особенно же въ ночную пору, когда оставалась одна съ моей растерзанной тайной думой.

И вотъ однажды, помолившись на сонъ грядущій, я легла. Обыкновенно передъ тѣмъ, какъ ложиться, я поправляла лампы, а тутъ забыла. Ужъ въ постели я спохватилась: лампы слишкомъ жарко горѣли, — и хотѣла покликать старуху няню нашу Ульяну, и странно, все вижу и слышу, а сказать не могу.

Хочу позвонить,—рука не подымается. Смотрю—ничего не понимаю. Попробовала подняться и тоже напрасно: не шевельнуть ногой—омлѣли и холодѣютъ ноги, и руки омлѣли и холодѣютъ, и гдѣ-то внутри заныло,—все онѣмѣваетъ.

А лампы жарко горять, вижу.

Я видѣла жарко горящія лампы и не могла ничего поделать.

На спинѣ лежу, руки крестомъ.

«Вѣрно, смерть!» — подумала я и мысленно прошу Бога о моемъ согрѣшеніи, простить душу мою измученную.

И какая горечь, что одна я,—одна умираю, и никого!—и дѣтей не могу позвать. И съ горечью представляю себѣ, какъ на утро найдутъ меня—тѣло мое задохнутое.

«Господи! — отчаяніе охватило меня, — Господи, не хочу, спаси!»

И вдругъ словно ударилъ меня кто по лбу, но безъ боли, и глаза мои подъ лобъ закатились.

Больше ужъ ничего не видѣла, я лежала какъ плаха и только чувствовала, — захолонула совсѣмъ, остановилась кровь — и сердце не бьется.

«Господи, воля Твоя!»

Много народа понабралось въ мою спальню. Кто-то всхлипываетъ жалко. И вотъ тащутъ меня съ кровати, — тяжело, видно.

— Обмывайте получше, голову-то мочите! — говорятъ женщины.

И мнѣ такъ хочется подняться и я все пробую ухватиться за что-нибудь, и бессильно томлюсь.

«Вѣдь, это же обморокъ! — говорю себѣ, — конечно, обморокъ. А думаютъ, умерла! А вотъ приду я въ себя, я вамъ тогда покажу!» — и я все пробую ухватиться за что-нибудь, и бессильно томлюсь.

Начинаютъ одѣвать меня.

Кто-то увѣряетъ, будто не велѣла я на смерть чепчика съ лентами надѣвать. А другіе говорятъ, какое платье я назначила себѣ, какую рубашку и платокъ.

И все, неправда: никогда ничего я себѣ не назначала, никакого чепчика, ни рубашки.

И досадно мнѣ и обидно и ничего я не могу подѣлать.

Не знаю, во что нарядили, чувствую, одѣтую понесли. Не знаю, гдѣ положили, чувствую, что лежу.

«Теперь ужъ похоронять, живую похоронять!» — и смертельная тоска заливаешь мнѣ сердце.

Кто-то заплакалъ. Жалобно какъ плачетъ! Пришли, трогаютъ, — снимаютъ съ меня мѣрку на гробъ. А такъ бы вотъ ногой и пхнула всѣхъ, всѣхъ! А ничего не могу.

Зачитали псалтырь:

«Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ»...

Кто-то сказалъ:

— Свѣчи не горятъ. Зажигайте!

И чувствую, какъ свѣчи зажгли, свѣчи горятъ.

Все понимаю, чувствую, и только глазами не вижу. И какое отчаяніе и страхъ и тоска смертельная! Кажется мнѣ, что такъ годы прошли.

— Все готово. Батюшка прѣхаль.

И чувствую, гробъ несутъ.

— Поближе ставьте!—говорить кто-то.]

О чемъ-то заспорили. Шумно, не разобрать. И очень душно—свѣчи горять.

Началась панихида. Слышу знакомое пѣніе. Свѣчи и ладонь. Всѣмъ слухомъ слушаю,—каждое слово такъ ясно. А когда протянулъ дьяконъ «вѣчную память», какъ громомъ оглушило меня.

Знаю, въ гробъ меня положили. Знаю, выносятъ. Слышала споръ: что-то не такъ гробъ повернули! А когда несли по улицѣ, желтый свѣтъ, такой желтый, плылъ въ глазахъ, а людей я не видѣла, только желтый свѣтъ. И мнѣ такъ хотѣлось подняться и сѣсть.

Принесли меня въ церковь, поставили гробъ и началась обѣдня.

Господи, а какъ небрежно служили, я едва поспѣвала за службой.

Ужъ идетъ погребеніе. И я съ болью ловлю всякое слово, всякое слово мнѣ ясно до боли. А когда ударили въ колоколъ, меня опять оглушило.

Знаю, евангеліе кончили, а тамъ на волѣ перезвонъ погребальный. Священникъ прочиталъ отпусчную молитву, поклонился и пошелъ въ алтарь. На минуту все затахло. И стали прощаться. Но мнѣ ужъ никого, ничего мнѣ не жалко. И когда подняли заколоченный гробъ мой, было мнѣ такъ, будто я домой шла.

И вотъ поставили гробъ у могилы, повязали веревками,—ну, и прощай!—опустятъ въ могилу. Я заглянула въ могилу, а на днѣ тамъ,—жаба, вотъ такая сидитъ: жаба.

— Не моя!—закричала я во весь голосъ,—не моя могила!

И глаза мои прозрѣли.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СЪ ТОГО СВѢТА.

1.

Горькая чаша.

Вижу помраченный міръ отъ явившихся полковъ темной неисчетной силы. Они брали власть надъ землей. И запасовъ орудій мученскихъ было у нихъ безъ числа: крюки, колеса, лапы, плети, доски, топоры. Духомъ они разжигали желѣзные печи.

Какая горечь, какая горесть!

Врагу далъ Богъ прельщать человѣка и позволилъ мучить.

У главнаго чаша въ рукахъ. Царемъ и Богомъ себя называетъ. Войны подводятъ къ нему народъ. И изъ чаши онъ напоеваетъ несчастныхъ. Другой держитъ доску: красками намалевана голова обезьяны. И тѣ, несчастныя, цѣлуютъ ее, какъ пречистый образъ.

Тѣмъ, кто отпилъ изъ чаши, полагаютъ печать на лобъ и ведутъ во дворцы: тамъ музыканты играютъ и нарядные танцуютъ гости, тамъ пьютъ и ѣдятъ и веселятся. И какая разгулка, какое довольство! А ужъ тѣхъ антиевыхъ печатей имъ никогда не сбросить.

Но есть и такіе, не хотятъ и не даются они темной силѣ, не пьютъ изъ горестной чаши, не кланяются головѣ обезьянней. И за то терпятъ злую муку. Для каждого есть своя мѣра мученія: сколько заслужилъ человѣкъ за прошлую жизнь свою Божьяго гнѣва, — измучивъ его оставляютъ, и больше мучить не смѣютъ.

Претерпѣвый муку врага, спасется.

Обступилъ меня темный полкъ. Ужъ я и такъ и сякъ увертывалась отъ нихъ, но они подстерегли меня. Какъ мухи летаютъ за мной. И вотъ схватили и тащутъ.

Вижу, радъ — оскалилъ пасть: Самъ подошелъ, самъ наклонилъ ко мнѣ чашу, и насильно толкнулъ ее къ моимъ устамъ.

И прикосновеніе чаши учинило мнѣ горькость въ устахъ и гортани, подобно скотской желчи,

— Я не приобщалась тайнъ вашихъ! — крикнула я.

И, отступивъ, плюнула въ чашу.

И тогда войны взяли меня.

Растянули меня на измазанной липкимъ дегтемъ кожѣ. И какъ дождь завывли надо мной плети.

Били, не чувствовала, только глазамъ моимъ было ужасно. И долго терпѣла я и больше не стало силъ:

— Господи, защити меня!

И тогда бросили плети и повели меня на другое мученіе.

Посадили меня въ желѣзную печь. Дверцу замазали. По стѣнкѣ полѣзла я на самый верхъ и подъ трубой затаилась на жару. Не больно, но было мнѣ томно, голова кружилась. Слышу:

— Печь прохолоднута!

И начинаютъ отбивать печь: вѣрно, думали про меня, давно задохнулась. Отбиваютъ печь. А я потихоньку спускаться.

Печь открыли, я вышла — невредимая.

У! какъ злы они!

Врагу не далъ Богъ права насильно распоряжаться душой.

— Что же, — говорятъ, — съ ней дѣлать?

А я поднялась на воздухъ и летѣла. И большими темными птицами летѣли за мной ихъ злые полки.

У берега широкой рѣки спустилась я.

Тутъ нагнали меня и въ мигъ изъ птицъ перемѣнились въ воиновъ.

Какая сила! Зачѣмъ? И столько хлопотъ изъ-за одной грѣшной души! Всю мою жизнь меня гонать? Но я положила жить для Бога и терпѣливо ждала.

Слышу, держать совѣтъ: я должна отречься отъ Бога.

— Видишь мостъ, мы тебя переведемъ на тотъ берегъ. Не будешь мучиться больше. Тамъ тебѣ будетъ совѣтъ хорошо.

А мостъ широкій--преширокій и крѣпкій, а поодаль вренъ съ мостомъ проложены тонкія жердинки.

Но я должна отречься отъ Бога!

— А давайте,—говорю,—вы по мосту, а—по жердинкѣ, но съ Богомъ, и кто скорѣе перейдетъ?

И! какъ заравгали.

И заиграла музыка.

Начальники о чемъ-то шептались, показывали то на меня, то въ поле — поле было покрыто ихъ темными войсками. Ко мнѣ приставили стражу: я должна была выйти не раньше, пока вся ихъ сила ни ступить на мостъ.

И вострубили трубы по трубному.

Кричатъ съ моста:

— Пускай!.

И я пошла. И жердь заколебалась подо мной.

Они старались, они хотѣли опрокинуть: то подымутъ жердь, то опустятъ,—вотъ-вотъ ко дну.

— Господи, помоги!—и я крестъ на себя положила,— Господи, прости меня!

И въ мигъ, какъ птица, быстрѣе птицы, перелетѣла на другой берегъ. А вражья сила не перешла и половины.

Я съ берега смотрѣла. — Тамъ началъ мостъ дѣлиться на куски. И я отъ радости кричала, я закричала съ берега все темной силѣ:

— Силенъ Богъ мой, Ему поклонитесь, поклонитесь Ему. Онъ проститъ и васъ!

Черныя жилища.

Мостъ былъ разрушенъ, а перевозъ занятъ солдатами: солдатъ перевозили въ городъ. И такъ ихъ было много, изъ города ужъ никого не брали на тотъ берегъ.

И я рѣшила скорѣе назадъ ѣхать къ тѣмъ моимъ знакомымъ, гдѣ я только что останавливалась: все равно, на тотъ берегъ не перебраться, — не пропустить, а въ городѣ размѣстятъ по домамъ солдатъ и переночевать негдѣ будетъ. Взяла я извозчика, заторопила ѣхать скорѣй. Извозчикъ попался хорошій и живо меня довезъ.

И ужъ какъ я обрадовалась, что будетъ мнѣ кровъ.

Но и какъ была принижена, когда вошла въ знакомый домъ онъ былъ полонъ народу, — это была западня. И не одна я была такая и всѣ мы понимали, что не уйти намъ и нѣтъ спасенія.

Среди темныхъ я замѣтила и знакомыхъ моихъ, хозяевъ дома, съ которыми всего часъ какой такъ дружно рассталась. Они меня видѣли, но дѣлали видъ, что не знаютъ. И я слышала, какъ безсовѣстно они наускивали на меня и наговаривали.

А я не хотѣла сдаваться. И одна была мысль — уйти! Я тихонько пробралась къ двери. Минута была подходящая, — вводили какую-то несчастную женщину, — и я юркнула изъ комнаты. Я прошла незамѣтно весь коридоръ до сѣней. Но тутъ и схватили меня.

И я узнала ихъ — это были враги моей души.

— Иди за нами! — накинулись злые.

И я не могла не итти.

* * *

Огромное зданіе — театръ. Виткомъ набито.

Вереницами вверхъ и внизъ идутъ и идутъ. — Одни шли такъ, не глядя, куда было указано, другіе озирались и шагъ ихъ былъ нетвердый.

Я увидѣла нашу сосѣдку.

— Какъ ты сюда попала?

— Это тайность, — сказала она и пошла прочь, не обернулась.

Сначала я стояла у входа на высокомъ мѣстѣ и мнѣ все было видно.

А что тамъ только творилось!

Тамъ были и души тѣхъ, кто еще живетъ на землѣ, а страстями своими еще на землѣ получили свой загробный предѣлъ, и терзанія ихъ были тѣ же, что будутъ и послѣ смерти.

Нераскаянный, неоттудившійся, умирая, продолжаетъ дѣлать все то, что и въ жизни, по своимъ страстямъ. Разница та, что по смерти нѣтъ ужъ воли остановиться, а демоны страстей понукаютъ и грозятъ:

— Ты нашъ! ты нашъ!

Театръ былъ раздѣленъ на отдѣленія и въ каждомъ отдѣленіи было нѣсколько комнатъ; комнаты были всякія — и большія и тѣсныя и просто чуланы. Оконъ нигдѣ не было, горѣли фонари и лампы.

Въ вереницѣ, подвигаясь отъ входа, я шла за народомъ. Въ одни отдѣленія я входила свободно, въ другія меня не пускали.

— Она этого не знаетъ и пусть не видитъ! — кричали оттуда.

Смрадъ и дымъ душили меня.

Я слышала плачь ужасный:

— Горе намъ! горе!

И другіе говорили.

— Поздно. Не вернутся. Погибли!

И былъ крикъ, вопъ и бой.

Какіе-то въ серпъ согнутые человѣчки шныряли туда и сюда. Они не прикасались ко мнѣ, но я чувствовала, они какъ бы въ сѣтяхъ держатъ меня.

— Поймаемъ! — шептались они, — попалась! поймаемъ!

Я отъ нихъ въ сторону и прямо къ двери. Толкнула дверь и очутилась на волѣ.

А мой извозчикъ тотъ, что привезъ меня съ перевоза, ждалъ у воротъ. Вотъ ужъ обрадовалась-то!

— Вези,—говорю, и, не дожидаясь отвѣта, сажусь.

А онъ только возжей передернулъ,—Слава Тебѣ Господи, поѣхали! И все шибче и шибче,—въ глазахъ замелькало. Начинаю кричать, а извозчикъ, словно оглохъ, знай, нахлестываетъ. И вдругъ поняла я, вижу, на облучкѣ присосѣдился, за кушакъ держится такой въ серпъ согнутый, проклятый шептунъ.

«Ну,—думаю, теперь ужъ пропала!».

* * *

Ярмарки,—лари и лавки... Я слѣзла съ извозчика, а ужъ тѣхъ шептуновъ туча и всѣ на одно лицо, въ серпъ согнуты. Повели меня по лавкамъ, и чтобы я непремѣнно чего-нибудь себѣ купила.

— Покупай, все можно.

— Денегъ нѣтъ,—говорю.

— Не безпокойся, сколько хочешь, достанемъ.

— Въ долгу не хочу быть.

— Да бери, бери!—и суютъ бумажки, такъ и цѣпляются.

— Не надо мнѣ!—прикрикнула я.

Отстали. Или куда шмыгнули въ лавку? Господи, вотъ напасть! Хожу такъ, смотрю. За толпой далеко ушла. И опять, вижу ковыляется, проклятый: одинъ огромный тащить кусокъ матеріи.

— Ну, вачѣмъ ты это?

— Я деньги заплатилъ!—и самъ едва дышетъ: ужъ больно много зацапалъ, не по силамъ.

— Ну, ладно,—говорю,—отнеси на извозчика.

И какъ только потащился онъ съ своей тяжестью, я—бѣжать. Бѣжала, бѣжала, все шибче и шибче, ногъ уже не слышу и взлетѣла на воздухъ. Пролетѣла весь городъ надъ ларями и лавками мимо собора, мимо водокачки, ну, довольно,—спустилась за заставой у завода.

Теперь ужъ никто не пристанетъ!

Оглянулась, а по полю погоней народъ, ой, сила какая!— на меня указываютъ, конечно, за мной. Я скорѣе въ заводскій корпусъ, затворила дверь плотно.

Все машины, а по стѣнѣ и вверху ходятъ колеса. Что мнѣ дѣлать? Я на самый верхъ къ колесамъ и съ колесомъ завертѣлась.

Я видѣла, какъ ворвались въ корпусъ и разбрелись по угламъ: ищутъ! А я захлестнулась, да черезъ ремень и выше—на самые верхнія колеса. И очутилась въ тѣсной душной каморкѣ.

И лежитъ на койкѣ.—Сразу-то я не разглядѣла, мнѣ только очень жалко его, больной вижу, тяжело дышитъ. Подхожу я поближе, наклонилась.

— Не надо ли, — говорю, — чего? Не поставить ли вамъ горчичникъ?

А онъ головой мотаетъ.—Да какъ слернетъ съ себя одѣяло.

Какой ужасъ!—Я его узнала. Это тотъ, это онъ, у котораго видѣла я въ рукахъ чашу.

3.

Умранъ-Королевичъ.

Въ старинномъ городѣ я съ моей любимой сестрой Аріандой. Все такъ чудесно и узкія улицы и раскрашенные дома; но изъ всѣхъ диковинъ одинъ домъ приковалъ насъ.

— И кто можетъ жить въ такомъ дворцѣ? — разсуждали мы,—и хотъ бы глазкомъ заглянуть!

Долго мы не рѣшались, а отойти не могли, и, наконецъ ужъ, осмѣлились и тихонько вошли во дворъ. На дворѣ ни души. Мы смѣлѣе. Поднялись на крыльцо. Такъ и попали въ дворецъ.

А тамъ чего только нѣтъ. Изъ комнаты въ комнату переходили мы, и все бы, кажется, смотрѣлъ, уходитъ не хотѣлось. И хотъ бы кто-нибудь отозвался на наши шаги! Никого. Ни живой души. И мы рѣшили: дворецъ брошенъ, хозяевъ нѣтъ. И ну кричать и бѣгать, какъ дѣти. И вдругъ намъ навстрѣчу изъ комнаты женщина, въ рукахъ большое блюдо, а на блюдѣ маленькій хлѣбецъ—розаночекъ.

— Зачѣмъ вы пришли сюда?

— Намъ очень домъ понравился. Хотѣлось узнать, кто тутъ живетъ?

— А вамъ это очень нужно? Ну, идите за мной!—и пошла. И мы за ней.

И водила она насъ по комнатамъ, изъ комнаты въ комнату, подвела къ огромной двери, вынула ключъ, глубоко вставила ключъ, повернула.

Со стукомъ и трескомъ откатилась половина двери.

— Смотрите на потолокъ!

Это былъ высокій залъ съ разными стеклышками, а на потолокъ въ кругахъ царскіе портреты.

И вижу я, глаза на портретъ поворачиваются, какъ живые. Я дернула сестру. А она и сама тоже почувствовала. И мы отступили къ двери.

— Бѣжимъ поскорѣе отсюда!—шепнула я ей.

* * *

Мы ходили по дворцу, ничего ужъ насъ не занимало, только бы уйти поскорѣе! И опять та женщина, отъ которой мы убѣжали, вышла къ намъ навстрѣчу, опять съ большимъ блюдомъ въ рукахъ, а на блюдѣ по прежнему лежалъ маленький хлѣбецъ—розаночекъ.

— Что вы тутъ все ходите? Скоро царь пріѣдетъ!—она отворила шкафъ и полѣзла въ него, потомъ закрыла за собой дверь.

Попробовали и мы туркнуть въ шкафъ, да заперто. Постучали,—не отвѣчаетъ.

Изъ комнаты въ комнату. — Мы метались, стучали. Или заперты двери или попадаемъ въ тупикъ. Наконецъ-то очутились въ коридоръ, а изъ коридора дверь на волю.

И видимъ, подымается на крыльцо царь и съ нимъ его слуги.

Куда намъ дѣваться?

Я скорѣй за дверь, затаилась.

«Пройдутъ,—думаю,—тогда и выйду, все равно, одна выйду!»

Я стояла одна за дверью.

И вотъ распахнулась дверь и вошелъ царь.

Я его видѣла близко. И вдругъ глаза наши встрѣтились. Онъ улыбнулся и, наклонивъ голову, пошелъ дальше. Съ нимъ шелъ юродивый Тимоша и юродивый тоже видѣлъ меня.

— Ну, вы, шевелитесь живѣй, сендюконы!—кричалъ юродивый.

И когда затихли шаги въ коридорѣ, я свободно вздохнула. Слава Богу, на волю! У наружныхъ дверей стояли часовые, охраняли входъ. Нѣтъ, никакъ не выйти! И тоже за дверью долго не прстоишь.

«Господи, что же мнѣ дѣлать!»

* * *

Я стою у шкапа, гдѣ пропала та женщина съ розаночкомъ. Тутъ же и моя сестра Аріанда.

— Гдѣ же ты пропадала?

— Я стояла за дверью.

— И я тоже.

— Я видѣла царя. А что они говорили!

— Что же они говорили?

— Они тебя знаютъ. Ты очень понравилась королевичу, и онъ послалъ за тобой тебя привести.

— Меня?

— Да.

Я стала жаловаться и досадовать.

«И зачѣмъ мы сюда зашли? И куда мнѣ дѣваться?»

— Господи, что же мнѣ дѣлать!

* * *

За руку шли мы съ сестрой Аріандой по широкому коридору, заглядывали въ каждую комнату, гдѣ бы намъ скоро-
ниться. Прошли много дверей.

— Сестра, это за мной!

Я толкнула первую дверь.

И мы юркнули, какъ мыши.

— Насъ тутъ не найдутъ!—шепотомъ говорили мы другъ другу, а сердце колотилось.

Я сѣла въ уголь на диванѣ у ломбернаго столика, а сестра Аріанда рядомъ въ кресло. И все прислушивалась: по коридору стучали, хлопали дверями.

— А какъ только утихнеть, мы выйдемъ!—шепотомъ говорили мы другъ другу.

И когда мы такъ утѣшили другъ друга и мечтали о волѣ, бѣлый облачный шаръ спустился съ потолка.

И я не помню, что было.

А когда я очнулась, я увидѣла сестру Аріанду. Она, наклонившись надо мной, держала меня за руку.

— Гдѣ мы? — спросила я.

Она ничего не отвѣтила. Но по лицу ея я увидала. — И увидала: подлѣ меня на диванѣ сидѣлъ королевичъ.

— Расскажи ему, кто я такая!—я сказала сестрѣ Аріандѣ.

— Я знаю тебя, я твой женихъ! — королевичъ взялъ меня за руку и вдругъ переѣвился: спина согнулась въ серпъ, глаза налились кровью и оскалились два страшныхъ клыка, а изъ ноздрей пыхнуло смердное пламя.

И руки у меня оледенѣли.

— Сестра Аріанда! сестра Аріанда!

4.

За оградой.

Въ саду по бокамъ дорожекъ стояли серебряные ставеники съ толстыми позолоченными свѣчами, а вокругъ цвѣты. Въ бѣломъ днѣ тихо свѣтились свѣчи. Я-въ саду была не одна, молча слѣдовалъ за мной древній бѣлый старецъ. Оба мы прислушивались къ пѣнію, чуть доносившемуся откуда-то изъ-за садовой ограды.

* * *

Убранство комнатъ меня удивило, я никогда не видала такихъ комнатъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо понимаю, что это мой собственный домъ. Я очень рада гостямъ, я усадила ихъ за столъ и съ сожалѣніемъ напомнила имъ о ихъ умершихъ дѣтяхъ.

— Позвольте, — говорятъ они, — да наши дѣти живы — здоровы, вы перепутали!

Я пробовала возражать, но вижу, не хотятъ признаваться, а можетъ, и вправду считаютъ живыми тѣхъ, кто давнымъ давно мертвы.

— Малаша! — покликада я нашу Малашу: хотѣла ее съ самоваромъ поторопить.

И вдругъ явился—я ничего подобнаго не представляла!— такой до потолка.

— Что надо? — спросилъ онъ.

— Мнѣ надо Малашу.

— Я самъ подамъ самоваръ, — и пропалъ.

И не прошло и минуты, опять появился не съ самоваромъ, а съ огромнымъ подносомъ, а на подносѣ виноградъ и бѣлый, и синій и черный.

Я взяла вѣточку синяго, смотрю на великана.

«Вѣрно,—думаю,—это изъ царскаго дворца человѣкъ!» — и вспоминаю, что у меня есть финики, и опять кличу Малашу.

А вмѣсто Малаши появляется такой же другой, нѣтъ, еще больше.

— Что надо?

— Да кто вы такіе, — говорю, — я васъ не звала и не знаю!

— Я вашъ слуга Кормилюкъ, а это мой братъ тоже Кормилюкъ, мы двоенки.

«И откуда, — думаю, — у меня такіе слуги двоенки?

А Кормилюки что-то все перешептываются.

И мнѣ не по себѣ какъ-то и я стала изъ-за стола.

А въ сосѣдней комнатѣ какіе-то незнакомые разсѣлись, вся мебель передвинута.

«Кто это, — думаю, — зачѣмъ они тутъ?» Но ничего не говорю, иду дальше, только досаую: «Кажется, я тутъ хозяйка, безъ спроса влѣзть въ домъ!». И все меня возмущаетъ.

Великаны тащутъ огромный столъ.

— Куда вы?

— Въ дѣтскую.

— Въ какую дѣтскую?

— Для твоихъ дѣтей.

Тутъ я вспомнила о моихъ дѣтяхъ и никакъ не могу припомнить, куда они дѣвались.

Великаны тащили столъ, я за ними. Заглянула въ комнату; четыре кровати.

— А гдѣ же пятая?

— Въ другомъ отдѣленіи.

И опять спохватилась:

— Да гдѣ же дѣти-то?

— Въ путешествіи!—великаны поставили столъ: не войти, не выйти.

— Да зачѣмъ же вы столъ тутъ поставили? Столъ — въ столовую!

* * *

Въ церкви ставники, какъ тамъ въ саду, серебряные, и толстыя позолоченныя свѣчи. Церковь безъ оконъ и свѣтъ свѣчей яркій. Ни души, я одна. Постояла я и пошла назадъ. И, должно быть, попала не въ ту дверь: въ какую комнату не войду, все незнакомо мнѣ. Такъ и плутала. И мнѣ казалось, долго я такъ плутала. Наконецъ-то я вышла въ коридоръ: стеклянная дверь. И я попала во дворъ.

Громадныя ворота. Ворота заперты: продолговатый въ видѣ боченка замокъ на петляхъ, какъ толстое колесо.

«Такой, — думаю, — замокъ одному не поднять!»

И слышу голоса, только очень далеко, и что-то такое знакомое поютъ.

Поискала калитку. Нѣту. Вскрабкалась на ограду. Господи! тамъ садъ — по бокамъ дорожекъ ставники стоятъ серебряные и толстыя позолоченныя свѣчи горятъ. А небо не такое и земля не такая.

«Куда же это я попала? Вѣдь, у меня есть домъ и гдѣ-то въ домѣ есть свое мѣсто, и служатъ мнѣ Кормилюки великаны. Пойду я назадъ въ домъ, дастъ Богъ, отыщу свое мѣсто!»

Отворила я стеклянную дверь, думала, въ тотъ самый коридоръ попаду, а оказалось не то, — не туда попала!

Лѣстница изъ скользкаго камня и яснаго, какъ зеркало. Такъ спускаться невозможно, я присѣла и ползкомъ. И такъ до послѣдней ступеньки ползкомъ. Поднялась и пошла по коридору.

* * *

Подъ парчевымъ золотымъ балдахиномъ кровать и вмѣсто одѣяла парча съ кистями. Въ углу передъ иконами на столикѣ, покрытомъ парчей, раскрытый антиминсъ. На антиминсѣ золотая чаша.

Я стала на колѣни, поцѣловала антиминсъ и приложилась къ иконамъ.

Въ комнатѣ не было оконъ, а было свѣтло, какъ солнечнымъ днемъ. Стѣны были сдѣланы изъ гладкаго камня, я притронулась. Хотѣлось посмотрѣть и на кровать, и тихонько взяла я за край полога, но тамъ никого не было. И тутъ у кровати я замѣтила небольшую потайную дверь. Пріотворила я дверь, и попала въ узкій-преузкій коридоръ.

И я пошла по коридору прямо на зеленую просвѣчивающуюся занавѣску.

Отдернула я занавѣску, но за ней была дверь изъ такого необыкновенно чистаго и тонкаго стекла. Дверь была заперта, но все видно.

Посреди комнаты на бѣломъ лежала женщина подъ бѣлымъ покрываломъ, и другая женщина сидѣла въ креслѣ.

Та, что лежала, замѣтивъ меня, испугалась.

— Кто это? Кто?

— Это наша! Странница, — сказала та, что сидѣла въ креслѣ, — пустите ее!

Я не слышала отвѣта, я видѣла, какъ сидѣвшая въ креслѣ, стала и пошла къ двери, а та сѣла въ ея кресло.

И я вошла въ комнату.

И та, что сидѣла въ креслѣ, поднялась ко мнѣ.

— Ей рано! — закричала она, — зачѣмъ пришла? Выпусти ее! Она тамъ нужна, ей еще много хлопотъ!

Я упала на колѣни и стала цѣловать ноги ея.

Нѣжно обняла она мою голову.

— Я твоя мать,—сказала она,—скоро придешь сюда. Теперь иди съ миромъ!

И опять я попала во дворъ. Высокая ограда безъ воротъ. За оградой знакомые голоса, только никакъ не заглянуть туда.

— Что ты ищешь? — услышала я голосъ.

Оглянулась,—никого не вижу. А чувствую, стоить за спиной.

— Кто ты?

И все хочу я увидѣть его, кто стоить за спиной, но онъ увертывается: обернусь въ одну сторону, онъ сейчасъ на другую переходить.

— Ты бы шла въ церковь!

— Я ужъ была, — говорю, — да службы нѣтъ.

— Да служить-то здѣсь.

«А и вправду, — подумала я, — попасть бы мнѣ въ церковь, кончится служба, я съ народомъ и уйду!»

— А гдѣ служить?

— Я тебя проведу.

— Ради Бога, скажи мнѣ, кто ты?

Молча онъ подалъ мнѣ руку: лица не вижу, а рука, какъ моя. Молча повелъ меня въ домъ и черезъ коридоръ въ ту комнату безъ оконъ съ солнечнымъ свѣтомъ.

Я стала на колѣни, поцѣловала антиминсъ и приложилась къ иконамъ.

— Теперь пойдемъ къ службѣ! — сказалъ вожатый.

И опять коридоромъ.

Остановились среди огромнаго зала.

И тутъ я увидѣла тѣнь — крылатую тѣнь.

— Будетъ ранняя служба, — сказалъ онъ.

Онъ держалъ меня за руку, и была рука его, какъ моя.

И вдругъ стѣна противъ насъ стала скатываться, какъ занавѣсъ.

* * *

Церковь полна молящихся. У всѣхъ въ рукахъ раскрытыя книги. Свѣтъ отъ паникадилъ. И въ кругахъ надъ головой огоньки. Бѣлая одежды, и другія, какъ алый макъ.

— Ты видала такое?
— Нѣтъ, никогда. Гдѣ же дѣти и старцы?
— Тутъ всѣ: и дѣти и старцы.
— Я ихъ не вижу.
— Ни старцевъ, ни младенцевъ—здѣсь всѣ равны трудомъ передъ Богомъ.

И стѣна, какъ завѣса опустилась.

Я долго ждала: не откроется ли? И онъ молчалъ. За руку стояли мы,—и была рука его, какъ моя.

— Отчего ты меня туда не повелъ?

— Ты не входила еще въ тѣ врата. Помнишь, тамъ небо другое и земля другая?

— А когда кончится служба?

— Тамъ нѣтъ ни конца, ни начала!—и онъ опустил мою руку.

Я одна стояла въ огромномъ залѣ. Ноги мои дрожали отъ утомленія и не хватало воздуха.

«Неужто я померла?»—подумалось мнѣ и съ какимъ-то горькимъ чувствомъ я пошла изъ залы.

И такъ дошла до сѣней. А тамъ лѣстница вверхъ. Вижу, спускается Малаша.

Обрадовалась я.

— Какъ мнѣ отсюда выйти?

— А тебѣ куда надо?—смотритъ Малаша и не узнаетъ меня.

— Мнѣ на базаръ.

— Зачѣмъ на базаръ?

— Хлѣба купить. Выведи меня!

— Иди прямо!—строго сказала Малаша.

И я увидѣла дверь. И очутилась въ саду.

5.

Арбузные сѣмечки.

Въ окно я увидѣла, подъѣхало много экипажей—и все незнакомые. Смотрю и понять не могу, откуда столько и что имъ отъ меня надо: все незнакомые.

Я скорѣе въ людскую, думаю, спрошу прислугу. ▲ навстрѣчу мнѣ не Малаша, а какая-то Настя, а за нею еще и еще, все чужія. Ничего не понимаю. Прошла въ спальню, притворила за собой дверь, стала у двери, прислушиваюсь. Разговоръ обо мнѣ и недобрый.

«Не добрые люди,—думаю,—надо куда-нибудь схорониться?»

И выхожу.

«Вѣдь, мнѣ только бы дойти до коридора, а тамъ ходъ знаю!»

И вижу, у всѣхъ дверей часовые.

И тутъ же вертится эта чужая Настя, а съ ней ея товарки.

Я къ нимъ,—то къ одной, то къ другой:

— Пожалуйста!—прошу,—выведите меня изъ моего дому!

И васъ поблагодарю.

▲ въ отвѣтъ онѣ шепчутъ:

— А что дашь намъ? Что дашь!

— Денегъ дамъ.

— Ладно, денегъ дашь!

И сейчасъ же повели меня въ какую-то комнату, — я не помню такой комнаты у васъ въ домѣ.

— Откуда есть ходъ на волю. Давай же денегъ,—говорятъ,—мы тебя выпроводимъ.

Достаю кошелекъ изъ сумочки. Вытряхаю на столъ, чтобы видѣли. А вмѣсто денегъ сыплются арбузные сѣмечки.

— Это все были деньги, — оправдываюсь, — повѣрьте же мнѣ. Я не знаю, какъ это вышло.

А онѣ въ одинъ голосъ захохотали.

И подъ хохотъ гдѣ-то близко заиграла музыка.

* * *

Я стою въ столовой. Полна комната народу. Всѣ стоятъ.

И я узнала ихъ—это враги души моей.

«Что бы со мной не было, — рѣшаю про себя,—не буду имъ повиноваться! Боже, укрѣпи мои силы!»

Никто на меня не смотритъ, но я понимаю, одна мысль у нихъ обо мнѣ.

Попештались. И ласково.

— Поѣдемъ,—говорятъ,—съ нами!

А я будто не понимаю.

— Присаживайтесь,—говорю,—я сейчасъ еамоваръ велю поставить.

А они, какъ тѣ Настины товарки, захохотали.

И слышу, музыка играетъ.

Подъ руки вывели меня изъ дому. И весь ихъ народъ за ними.

У подѣзда карета.

— Въ карету не сяду,—говорю,—въ коляскѣ могу.

Думаю себѣ: изъ коляски-то мнѣ уйти будетъ легче!

Откуда-то взялась коляска. Ничего не подѣлаешь, придется садиться. Усѣлись. Поѣхали. Глазъ не сводятъ, никакъ не уйти.

По дорогѣ развалины. Прошу остановиться.

— Мнѣ надо,—говорю.

Остановились. Вылѣзла я.

— Пойдите тутъ, я сейчасъ.

И пошла.

«Господи, помоги!»

И слышу шумъ.—Или хватились?

«А я не вернусь! не вернусь!»

Ищутъ.—И! какъ сумашедшіе, бѣгаютъ.

Вижу ихъ. Да имъ-то меня не видать. Завыли, у! какъ злые собаки. И вѣтеръ поднялся, самъ крышечникъ-вѣтеръ, и пыль. Закружило, завѣяло.

Я летала надъ развалинами, кружилась съ вѣтромъ и пылью.

И вотъ увидѣли меня, а глаза у нихъ злѣе укальницы. Я—выше и полетѣла къ лѣсу. Бѣгомъ пустились за мной. Я залетѣла въ лѣсъ. И они за мной. Плутаютъ, падаютъ—встанетъ проклятый и опять бѣжать.

— Постой,—кричатъ,—мы тебѣ что-то скажемъ, постой!—
и воютъ и воютъ.

Вылетѣла я изъ лѣсу да къ рѣкѣ, перелетѣла рѣку, и спустилась въ полѣ.

Пастухи пасутъ стадо.

— Откуда вы, пастухи?

— Мы тутошніе, — и сами такъ смотрять, — не тебя ли господа наши ищутъ?

Я какъ услышала—милосердый Боже!—да назадъ.

— Постой! постой! — кричатъ пастухи, — мы тебѣ что-то скажемъ!

А я бѣгу, что лечу. Пробѣжала поле. Какая-то постройка,—я туда. Оглянулась—бѣгутъ, ужъ напали на слѣдъ.

Я вскочила въ хлѣвъ. Притворила дверь. Лежали доски, я досками закрыла дверь. И скорчилась въ уголку, не дышу.

И вдругъ упали доски—ломится дверь.

Я читаю молитву въ умѣ. Притихли. Или ушли? Нѣтъ, не уйдутъ.

— Обложить огнемъ, пускай ее!—слышу.

И вотъ упала дверь и они схватили меня. И помчали, какъ вихорь.

* * *

Я въ чистомъ полѣ нагая стою у столба.

Понимаю, для меня поставили столбъ. Тащутъ лѣстницу. Я взойду на этотъ смертный столбъ.

И вдругъ очутилась я на столбѣ.

Я нагая стою на столбѣ. Кто раздѣлъ меня, не знаю, не помню. Я нагая стою на столбѣ. И вижу среди темныхъ силъ главный ихъ—я узнала его,—на крылатомъ конѣ и крылатый, ефмечки арбузные ѣстъ.

Вдругъ раздался залпъ и меня словно вѣтромъ шатнуло.

Дымъ, огонь—и смрадь ѣстъ глаза.

о ть, какъ вѣтромъ шатнуло и опять.

Я стою на столбѣ, а отъ столба, какъ лѣстница, до самой земли снаряды лежатъ. И по свинцовой лѣстницѣ я сошла со столба.

* * *

Съ гикомъ и хлестомъ вели меня по полю. Или рѣшили покончить? Господи, гдѣ же милосердіе? И плевали и били меня.

Я не знаю, куда меня привели. Огромная печь,—саженные дрова кладутъ. И вижу своихъ знакомыхъ и сосѣдей: они трудились у печи,—и какіе изнуренные!—какъ лошади у машины.

— Какъ же такъ,—говорю,—вы имъ повинуетесь?

А они только смотрять жалобно, не смѣютъ сказать.

По бокамъ печи колеса съ желѣзными крючками, а посреди катучая площадка, на площадкѣ кресло.

Сѣру, деготь, сало и еще что-то бѣлое таскали нечистые къ горячей печи. И все упрекали меня, что совсѣмъ разорила ихъ.

— Да позвольте, я васъ ни о чемъ не просила!

А они мнѣ про сѣмечки.

— Сулила дать денегъ, а чего дѣла? Мы не свиньи какія! И все злѣе и злѣе.

И ужъ сами съ собой бормочутъ.

Вдругъ кто то крикнулъ:

— Готово!

И я увидѣла, какъ кресло побѣлѣло отъ жара.

Читаю молитву въ умѣ. Двое юлятъ и пихаютъ, по птичьимъ подсвистываютъ.

Я вскочила на площадку,—и сѣла въ раскаленное кресло. Площадка двинулась къ печи и меня жаромъ, словно водой, окатило. А въ глазахъ закружилось и полетѣли огни.

Я не помню, не знаю, что было, только слышу, кричатъ,—не пойму. И тогда поднялась я съ кресла и ступила на площадку—площадка чуть теплая.

* * *

Вывели меня на свѣтъ Божій. Никто ужъ не билъ меня, а все съ ласкою.

Впереди одни на коняхъ ѣхали, другіе на свиньяхъ: дорогу показывали. Вижу, къ рѣчкѣ ведутъ—потопить хотятъ.

И какъ лисицы:

— Дай, мы на тебя сапожки надѣнемъ!—а сами сапожки эти клещами держатъ: такъ отъ нихъ жаромъ и пышетъ.

Надѣла я сапоги,—и ноги мои словно провалились куда-то.

— Иди тихонько, вонъ черезъ мостикъ!—сущіе лисы.

И я увидѣла мостъ черезъ рѣку—не мостъ, поняла я, одинъ призракъ.

Я ступила на этотъ мостъ и упала въ воду.

Тутъ кто съ чѣмъ: кто съ крючкомъ, кто съ бревномъ, кто съ лопатой, да лопатой по головѣ меня.—

И нѣтъ больше силъ: вотъ потону.

«Господи, сохрани меня!».

И слышу, кричить съ берега:

— Брось! Довольно. Пригодится еще!

И захохотали мучители. А за хохотомъ музыка.

И я вышла на берегъ.

6.

На постояломъ дворѣ.

Въ лѣсу на постояломъ дворѣ остановилась я лошадей покормить. Пора было дальше ѣхать и я велѣла лошадей закладывать. А вижу, и кучеръ и всѣ люди едва на ногахъ стоятъ,—пьянымъ пьяно. И куда ужъ тамъ съ лошадьми управиться! Долго возились и все попусту. Ужъ вечерѣло, а хмель не проходилъ.

Остановиться на ночь въ лѣсу я боялась: никого я не знала—ни двора, ни хозяина.

«Вѣдь, только бы выѣхать изъ лѣсу, а тамъ ужъ какъ-нибудь...»—думала я и рѣшила такъ: сама впередъ пѣшкомъ пойду, а экипажъ меня нагонитъ.

И говорю кучеру:

— Пожалуйста, Трофимъ, поторопитесь! Я пойду, а вы меня догоните.

* * *

Шла я полемъ. Оглянусь: не ѣдутъ ли? Нѣтъ, не вижу никого. А ужъ солнце зашло. Жутко мнѣ было въ полѣ одной. И вижу, въ сторонѣ каменная ограда. Бросила я дорогу, иду прямо къ оградѣ. Тамъ ворота. Вошла въ ворота и попала на широкій дворъ.

Хожу по двору, разсматриваю: словно бы монастырь какой! Да и вправду, монастырь. Вижу, монахиня. Подошла она ко мнѣ и, не спрося ни о чемъ, повела въ домъ.

Кельи просторныя, теплыя.

Въ одной кельѣ показала мнѣ монахиня на кровать.

— Тутъ тебѣ отдыхъ!—а сама къ двери.

Кровать хорошая, изголовье высокое, одно плохо—окно надъ самой головой. .

— Я тутъ могу простудиться,—говорю,—да и боюсь одна, я пойду съ тобой.

Уговариваетъ монахиня. Да я-то боюсь одна въ такой кельѣ.

— Ну, ладно,—согласилась монахиня,—пойдемъ ужъ!

* * *

На порогѣ игуменья.

— Ты со мной на одной кровати ложись,—сказала мнѣ игуменья.

Я отговариваюсь:

— Не достойна,—говорю,—грѣшная я.

— Тогда одна ложись, а я пойду.

И оставила меня игуменья, а куда пошла она, не знаю.

Я сейчасъ же легла и заснула.

Вдругъ слышу, въ ногахъ у меня сопить.—Поднимаюсь,—игуменья!—игуменья въ ногахъ у меня свернулась калачикомъ. И мнѣ такъ стало совѣстно, —куда тамъ спать! Я тихонько изъ кельи вышла на маленькій дворъ.

Хожу я по двору, разсматриваю хозяйство. Подхожу къ какой-то пристройкѣ, въ родѣ сторожки, а игуменья стоитъ въ окнѣ, наказываетъ кому-то. Увидѣла меня, киваетъ.

Хочу объяснить ей, почему я вышла изъ комнаты.

— Потому и вышла,—перебиваетъ меня игуменья,—тебѣ ѣхать надо.

— Мнѣ не на чемъ ѣхать, мой экипажъ въ лѣсу остался.

— Для тебя есть коляска.

И я увидѣла коляску.

И не замѣтила, какъ сѣла, и не помню, какъ выѣхала.

* * *

Ѣхала я по какимъ-то дорогамъ—мѣста неизвѣстныя—ѣхала безъ остановокъ. И вдругъ повернула къ горѣ, къ такой высокой, отвѣсной.

Узкая дорога. Съ одной стороны фонари горятъ, освѣщаютъ путь, съ другой темь. И вѣтеръ ужасный.

И вижу, два человѣка впереди идутъ, и оттого такъ медленно ѣдемъ мы.

— Посторонитесь,—кричу,—мы опоздаемъ!

А они будто не слышать. И не идутъ ужъ,—ползутъ.

Обернулась я, а сзади тоже какіе-то. Я къ нимъ:

— Отгоните ихъ,—говорю,—фонари погаснутъ, пропадемъ!

А они, хоть бы что.

Такъ ѣхала я подъ вѣтромъ. Вѣтеръ рвалъ на мнѣ платье. Фонари подъ вѣтромъ замирали.

Остановились, наконецъ, у воротъ.

И что же оказалось: тѣ, которыхъ я отгоняла, показывали намъ дорогу. И мнѣ стало такъ же совѣстно, какъ тамъ въ кельѣ, когда я проснулась и увидѣла спящую игуменью у себя въ ногахъ.

Провожатые въ сторонкѣ о чемъ-то толковали другъ съ другомъ.

— По языку ея судить не будутъ,—услышала я,—будетъ ей судъ по сердцу.

* * *

Я стою одна у воротъ. Ворота заперты. Стучу,—не отзываются. Что мнѣ дѣлать? И я пошла, куда глаза глядятъ.

И вышли въ поле. Тамъ вдали народъ. Я туда, и попала въ болото. Хочу выбраться,—что ступлю, то завязну. По поясъ зашла. И ужъ нагая—все съ меня снято—нагая въ болотѣ карабкаюсь. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Загрязла по горло.

Какой-то мальчикъ:

— Постой! Ты не по своей дорогѣ пошла.

— Выведи!—прошу.

И онъ взялъ меня за руку.

— Этого ни одинъ человѣкъ не минуетъ. Вотъ твоя дорога!

Тина была чаще, а итти стало легче.

— Иди такъ до того человѣка, видишь, на колѣняхъ стоять, потомъ поверни направо и такъ все иди,—сказалъ мальчикъ и скрылся.

И ужъ одна шла я, и все шла до того человѣка: онъ въ болотѣ по шею стоялъ на колѣняхъ.

— Ты за что?—спросила я.

— Будетъ судъ мнѣ по сердцу,—и жалобно посмотрѣлъ на меня.

И мнѣ стало такъ совѣстно передъ нимъ, что вотъ иду я, а онъ остается мучиться!

Болото кончилось. Виднѣлся дворецъ.

— «Какъ же такъ,—подумала я,—голая-то я пойду?».

И почувствовала я, опять на ногахъ сапоги и шуба на плечахъ.

* * *

Нагая, запахиваясь въ шубу, я шла по дорогѣ. Дворецъ ужъ близко. И мнѣ неловко, и я все запахиваюсь шубой. Поднялась я на крыльцо, иду осторожно: испугать боюсь. Приотворила дверь. А тамъ двѣ дѣвушки у окна сидятъ.

— Мы тебя, сестрица, давно ожидаемъ.

— На той сторонѣ за болотомъ осталось бѣлье, пошлите, пожалуйста! Мнѣ очень совѣстно.

А онѣ другъ съ дружкой:

— Я поведу ее въ баню.

— Нѣтъ, я. Я встрѣтила, я пойду съ ней.

- Да у меня,—говорю имъ,—нечего надѣть послѣ бани.
- Не безпокойся, все прислано.
- Кѣмъ прислано?

Обѣ онѣ пошли впередъ, я за ними. И дорогой увидѣла я, ни сапогъ на мнѣ, ни шубы, нагая иду. И мнѣ стыдно, какъ тамъ ночью въ кельѣ и тамъ у воротъ, и тамъ, на болотѣ передъ несчастнымъ.

Вымыли меня въ банѣ, нарядили и чистую, нарядную провели въ просторную комнату. А тамъ за самоваромъ гости, все женщины, и всѣ въ бѣломъ. Чай пьютъ.

«Почему же,—думаю,—меня не угостятъ?»

А та, которая разливала чай, хозяйка, посмотрѣла на меня, улыбнулась.

— Но, вѣдь, чай этотъ не для тебя заваренъ,—сказала она,—подожди немного, для тебя еще только прислана чашка.

И я увидѣла бѣлую фарфоровую чашку съ голубыми цвѣточками, она стояла на кругломъ столикѣ, закрытая салфеткой.

Я поднялась къ столику и вижу, кучеръ Трофимъ.

— Барыня, лошади готовы.

— Да гдѣ же это вы были?

— Да тамъ—на постояломъ дворѣ.

7.

Монахи.

Лежу въ своей комнатѣ ночью и слышу, входятъ, шепчутся. Приподымаюсь—отъ лампадъ мнѣ все видно—и вижу, монахи, пять монаховъ въ мантияхъ. Монахи подошли къ образамъ, покадили.

Покадили монахи и пошли по комнатѣ шарить. Отыскали ключи. И опять къ образамъ. Нараспѣвъ зачитали.

Я смотрю однимъ глазомъ, нарочно храплю.

Два монаха подходятъ къ кровати: одинъ въ клобукѣ, другой безъ клобука,—оба въ мантияхъ.

— Чего лежишь, вставай!

А тамъ начинаютъ полунощницу.

Поднялась я съ кровати. Стала съ ними передъ кіотомъ. Сунули монахи мнѣ въ руку зажженную свѣчку. Что-то читали и пѣли. И вдругъ поняла я, что меня постригаютъ. И все, какъ слѣдуетъ, читали и пѣли. Кончили службу. Поздравляютъ:

— Послушница!—поздравляютъ.

— Какъ же такъ,—говорю,—послушница? Вы же меня въ монахини постригали!

А они гурьбой къ большому комоду.

Выдвинули верхній ящикъ, тащутъ меня:

— Смотри.

А тамъ, въ углу ящика узлы туго набитые, а въ другомъ куски хлѣба, посреди же, не знаю что, высокое, краснымъ покрыто.

— Видѣла?

— Вижу,—говорю.

— Это твоему дому.

Захлопнули ящикъ и за средній,—средній выдвинули.

А тамъ серебро—половъ ящикъ. И свѣтъ, какъ отъ слезъ.

— Твоя доля. Будь справедлива.

И этотъ задвинули, за послѣдній взялись.

А тамъ голова человѣчья, бѣлымъ покрыта.

— Видѣла?

— Вижу,—говорю, сама не смѣю спросить.

Монахъ запустилъ руку подъ голову, вынулъ бѣлую бутылку.

И ящикъ захлопнули.

Вышли они на середку комнаты, одинъ въ клобукѣ, другой безъ клобука, оба въ мантияхъ. У одного бѣлая бутылка въ рукахъ, у другого красная. И тотъ, у котораго красная, сталъ изъ бутылки песокъ сыпать по полу, а другой изъ бѣлой бутылки чѣмъ-то маслянистымъ полилъ песокъ.

Окружили меня, показываютъ на полъ:

— Цѣлуй!

А я думаю: какъ же мнѣ такъ, вымараюсь? И хочу обманомъ.

«Нагнусь,—думаю—и сдѣлаю видъ, что цѣлую».

Стала я на колѣни.

Маслянистое разлито было по красному.

И нагнулась я къ полу. Ниже, еще ниже—осталось вотъ сколечко!

А ихъ пятеро, какъ набросятся, и десять рукъ мнѣ на голову, да въ песокъ, носомъ въ красный песокъ меня, какъ кошку.

И лежу я придавленная, лежу лбомъ въ песокъ, и глаза мнѣ ѣсть. Слышу, стали въ кругъ, и кругомъ пошли, захрустѣло по полу—

Во саду ли, въ огородѣ дѣвица гуляла...

И хрустятъ, топаютъ, ужъ бѣгомъ бѣгутъ, — свистятъ мантии.

Во саду ли, въ огородѣ дѣвица гуляла...

И вдругъ вижу, глубокое небо и въ небѣ крылатый — крестъ въ рукахъ его, а за нимъ бѣлый гробъ несутъ, а за гробомъ двое—крылья вверхъ и крылья распростертыя съ Востока и на Западъ.

Алексѣй Ремизовъ.

ПОСТУПИЛИ НА СКЛАДЪ:

1. Л. Шишко.—Разсказы изъ русской исторіи, ч. I-ая . . Ц. 1 р. — к.
2. » » » » » ч. II-ая . . » 1 » — »
3. » » » » » ч. III-ая . . » 1 » — »
4. Сергій Масловъ.—Что такое социализмъ Ц. 20 »
5. П. Сорокинъ — » » » (листовка) » 5 »
6. М. Мартыновъ.—Что такое демократическая республика . . » 15 »
7. Чужъ-Чуженинъ.—Пѣсенникъ революціоннаго солдата . . . » 25 »
8. В. Черновъ.—Истинные и мнимые пораженцы » 40 »
9. Н. Песочинскій.—Какъ избирать въ учредительное собраніе . . » 15 »
10. Какъ объединить трудовое крестьянство и партію » 40 »
11. П. Сорокинъ.—Что такое монархія и что такое республика . . » 25 »
12. П. Сорокинъ.—О свободахъ » 10 »
13. П. Сорокинъ.—Вѣчный миръ и всемірное единеніе народовъ . . » 25 »
14. С. Л. Масловъ.—О пользованіи землею до учред. собранія . . » 15 »
15. Огановскій.—Прошлое и настоящее земельного вопроса . . . » 25 »
16. В. Черновъ.—Докладъ о земельномъ вопросѣ » 55 »
17. Алексій Іосифовъ Н. Печоринъ).—О политическихъ партіяхъ,
что онѣ такое и для чего нужны » 20 »
18. И. И. Бунаковъ (Фондаминскій).—О войнѣ » 60 »
19. Л. Шишко.—Откуда произошла частная собствен. на землю . . » 40 »
20. Басовъ Верхоянецовъ.—Сказъ, отколь пошли цари у насъ . . . » 45 »
21. П. Сорокинъ.—Проблема социальнаго равенства » 50 »
22. В. Черновъ.—Пролетаріатъ, трудовое крестьян. и революція . 1 р. —
23. Трутовскій.—Что дѣлать социалистамъ въ городскихъ думахъ . . » 85 »
24. С. Масловъ.—Соціал. земли (проектъ основн. зак. о землѣ) . . » 35 »
25. Н. Быховскій.—Нагодно-правовые осн. новаго земел. порядка . . » 30 »
26. Н. И. Фалтеевъ.—Какъ организовать и вести собранія . . . » 80 »
27. А. Дьдусенко.—Волостное земство и его значеніе для крест. . . » 70 »
28. С. Масловъ.—Социализмъ и Крестьянство » 35 »
29. Н. Быховскій.—Совѣты крестьянскихъ депутатовъ » 65 »
30. Алексій Іосифовъ (Н. Печоринъ).—Съ кѣмъ идти? » 40 »
31. С. Масловъ.—Социалистическая партія, ея значеніе и политич.
организация крестьянъ » 65 »
32. Н. Святицкій.—Избирательный законъ въ Учредит. Собраніе . . » 90 »
33. Л. Шишко.—Очерки по вопросамъ экономики и исторіи . . 2 р. 25 »
34. Лавровъ.—Кому принадлежитъ будущее? » 1 » 40 »
35. Черезъ сто лѣтъ социалистическій романъ (по Беллами) . . . » 1 » 50 »
36. Лойко.—Надо знать не меньше » 1 » 50 »
37. М. Вишнякъ.—Положеніе евреевъ въ Россіи — 40 »
38. Л. С. Зака.—Заработная плата (второе изданіе) — 65 »
39. Н. Святицкій.—Выборы въ Учред. Собраніе въ Арміи и Флотѣ. — 40 »
40. С. Д. Масловскій.—Рабочая кооперация — 60 »
41. Прилежаевъ.—Задачи рабочихъ въ кортrollѣ и орган. произв. — 75 »
42. М. Вишнякъ.—Автономія и федерация — 40 »
43. И. Смирновъ — Какъ Воронежскіе крестьяне боролись за
Землю и Волю — 80 »
44. В. Черновъ.—Къ обоснованію программы партіи Соц.-Револ.
(Рчи на первомъ парт. съѣздѣ) 1 р. 50 »
45. Ивановъ-Разумникъ.—Исторія общественной мысли. Вып. 1-й. 3 » 25 »
46. Ивановъ-Разумникъ.—Исторія общественной мысли. Вып. II 3 » 50 »
47. «Красный-Звонъ». Стихи. 4 » — »
48. М. Петровъ. Муниципальныя задачи социализма 3 » 50 »

Новое изданіе

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ

Исторія русской общественной мысли.

Содержаніе этихъ восьми выпусковъ слѣдующее:

Часть I. Отъ Радищева до декабристовъ.

- II. Отъ двадцатыхъ до сороковыхъ годовъ. Пушкинъ, Лермонтовъ.
- III. Западники и Славянофилы. Утопическій социализмъ. Петрашевцы, Бѣлинскій, Герценъ.
- IV. Шестидесятые годы. Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ. Кружки 60-хъ годовъ.

Часть V. Семидесятые годы. Лавровъ, Бакунинъ, Михайловскій. «Земля и Воля» и «Народная Воля».

- VI. Отъ шестидесятыхъ годовъ къ восьмидесятымъ. Толстой, Достоевскій.
- VII. Девяностые годы. Марксизмъ. Чеховъ и Горькій.
- VIII. Отъ девяностыхъ годовъ къ революціи 1917 года. Библіографія. Указатель именъ.

Каждая часть представляетъ собою законченное цѣлое.

Каждый выпускъ — размѣромъ около 12 печати. листовъ.

Первый и второй выпуски поступили въ продажу. Третій и четвертый — печатаются.

ПОДГОТОВЛЯЕТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІИ

ЛЕОНИДА ЭММАНУИЛОВИЧА ШИШКО

подъ редакціей П. ВИТЯЗЕВА.

Все изданіе составитъ три выпуска около 300 страницъ каждый и будетъ заключать въ себѣ всѣ наиболѣе яркія и характерныя работы одного изъ виднѣйшихъ теоретиковъ молодого народничества, каковымъ является для партіи соц.-рев. Л. Э. Шишко.

Въ настоящее собраніе сочиненій войдутъ:

Выпускъ I. Біографія Л. Э. Шишко, составленная Ф. Волковскимъ. Статьи по вопросамъ экономики и исторіи.

• II. Статьи по вопросамъ программы и тактики.

• III. Статьи по исторіи русской общественности. Письма Шишко Похороны. Рѣчи на могилѣ. Письма и телеграммы по случаю смерти. Библіографія.

Первый выпускъ поступитъ въ продажу въ февралѣ 1918 г.

Ввиду ограниченнаго количества печатающихся экземпляровъ — открыта предварительная запись при условіи внесенія задатка въ 5 рублей, засчитывающихся при высылкѣ послѣдняго выпуска. Первые выпуски будутъ высланы наложеннымъ платежемъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ПЕТРА ЛАВРОВИЧА ЛАВРОВА

подъ редакціей

Н. С. Русанова, П. Витязева и А. Гизетти.

Въ цѣляхъ сдѣлать П. Л. Лаврова доступнымъ наиболѣе широкимъ слоямъ читающей публики, все собраніе сочиненій П. Л. Лаврова разбито на 8 серій, объединенныхъ исключительно внутреннимъ содержаніемъ.

- I серия. Статьи по философіи, 8 выпусковъ.
- II > Статьи по вопросамъ этики, 3 выпуска.
- III > Статьи научнаго характера, 6 выпусковъ.
- IV > Статьи историко-философскія, 6 выпусковъ.
- V > Статьи по исторіи религіи, 1 выпускъ.
- VI > Статьи социально-политическія, 8 выпусковъ.
- VII > Статьи историко-литературныя, 2 выпуска.
- VIII > Опытъ исторіи мысли новаго времени, 10 выпусковъ.

Число выпусковъ по каждой серіи можетъ быть увеличено въ зависимости отъ поступленія въ редакцію неизданныхъ произведений. Одновременно съ печатаніемъ сочиненій П. Л. Лаврова, издательство дастъ IX дополнительную серію статей о П. Л. Лавровѣ, куда войдутъ его автобіографія и бібліографія—4 выпуска.

Каждая серія будетъ выходить самостоятельными выпусками, около 10 печатныхъ листовъ каждый выпускъ и имѣть самостоятельную нумерацію.

Всѣ серіи начнутъ выходить въ свѣтъ одновременно.

Предварительная подписка принимается какъ на всѣ серіи сразу, такъ и каждую серію отдѣльно. Цѣна каждаго выпуска по предварительной подпискѣ отъ 1 до 3 руб., въ зависимости отъ размѣра. При подпискѣ на всѣ серіи вносится задатокъ въ размѣрѣ 25 руб. и при подпискѣ на отдѣльную серію—5 руб., засчитывающіеся при высылкѣ послѣднихъ выпусковъ. Текущіе выпуски высылаются наложеннымъ платежомъ.

Подготавливается къ печати
СЕРІЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ РОМАНОВЪ
революціоннаго содержанія.

Цѣна 2 руб.

56

86

Изд. Тов. «РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ».
Петроградъ. Литейный, 21.